Чеченская конная дивизия.

Дмитрий Де Витт

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

... Это достаточно типичное изображение жизни русской армии в целом и гвардейской кавалерии в частности накануне и после Февральской революции. ...

... Мемуары Д. Де Витта могут служить прекрасным материалом для изучения мировоззрения кадрового российского офицерства в начале XX столетия. ...

- Дмитрий Де Витт
  - Россия и Кавказ
  - 1916—1917 годы
  - Из воспоминаний о службе в чеченской конной дивизии
    - Часть 1. Степной Астраханский поход 1919 года
    - Часть 2. Северная Чечня (аулы).
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37

Дмитрий Де Витт
ЧЕЧЕНСКАЯ КОННАЯ ДИВИЗИЯ.

Россия и Кавказ

Записки Дмитрия Де Витта представляют собой два текста под общим авторским названием — машинопись с незначительной стилистической правкой, внесенной рукой автора. Первый называется «1916—1917 годы», написан в Константинополе в 1922 году — мемуарный очерк, при создании которого, скорее всего, не использовались никакие вспомогательные материалы. Свидетельства тому: характерный для такого рода воспоминаний стиль, отсутствие точных дат и топонимов. Это достаточно типичное изображение жизни русской армии в целом и гвардейской кавалерии в частности накануне и после Февральской революции. Второй текст под заголовком «Из воспоминаний о службе в Чеченской конной дивизии» разделен на две части, каждая их которых имеет свой подзаголовок и пагинацию. Автор сам указал на то, что к ведению записей его подтолкнула новизна впечатлений. Текст переполнен деталями, воспроизведение которых по памяти спустя какое-то время решительно невозможно. Первая часть «Степной Астраханский поход 1919 года» содержит три подробные карты-схемы похода дивизии генерала Драценко на Астрахань в июне-июле 1919 года. Хотя в конце рукописи стоит пометка: «Париж, 1938», автор возвращался к ней позднее, поскольку на одной из страниц есть приписка о судьбе одного из персонажей: «расстрелян немцами в 1942 году». К тексту приложено несколько фотографий, на одной из которых — автор мемуаров штаб-ротмистр Д. Де Витт запечатлен вместе с однополчанином ротмистром Феденко-Проценко. События, происходившие до сентября 1919 года, отражены, по свидетельству самого автора, на основе достаточно подробных ежедневных записей. Далее автор писал в основном по памяти, пользуясь разрозненными заметками.

Мемуары Д. Де Витта могут служить прекрасным материалом для изучения мировоззрения кадрового российского офицерства в начале XX столетия. Автор уклоняется от рассуждений о политике. Он сохранил верность присяге без видимых колебаний, его «малая родина» — полк, единственное мыслимое занятие в условиях войны — бой и поход. Интересно, что в рукописи нет следов времени написания. Бои под Астраханью и на Украине описывались намного позже, уже перед Второй мировой войной, и у автора было два десятилетия на оценку событий прошлого. Однако Д. Де Витт словно писал «по горячим следам», не внося в свои воспоминания всего того, что обычно дает ретроспекция.

Мемуарный комплекс, созданный участниками Белого

движения, насчитывает многие десятки книг. Среди них воспоминания Де Витта представляют особый интерес, поскольку описывают боевую жизнь одной из национальных частей — Чеченской конной дивизии. История этой части по-своему парадоксальна и отражает всю сложность такого явления, как Гражданская война в России. Эпоха оказалась настолько турбулентной, что боевыми соратниками оказались чеченцы и терские казаки — враги с незапамятных времен. При этом очередное кровавое «приведение к покорности» чеченцев произошло всего за несколько месяцев до их мобилизации под знамена генерала Деникина. Затем вихрь войны занес горцев на Украину, в места, о существовании которых многие из них и не подозревали. Наконец, избежавшие смерти от пули или тифа, не сумевшие или не захотевшие вернуться в родные аулы оказались в Крыму, защищая людей, выступавших за сохранение «единой и неделимой» России и потому совершенно нетерпимых не только к идеям национальной независимости, но даже к автономии. Во многом схожей по своему трагизму оказалась и дальнейшая судьба персонажей записок. Терцы перенесли так называемое «расказачивание», чеченцы — жестокие репрессии со стороны органов ГПУ-НКВД, а впоследствии — депортацию в Казахстан. Их командиры — русские офицеры оказались в эмиграции или погибли в 1930-е годы. То же ожидало и многих из тех, кто воевал на другой стороне, под красными знаменами. Хотя Де Витт несколько месяцев командовал чеченским эскадроном, он сохранил характерное для кадровых офицеров «имперское» отношение к своим подчиненным. Он так и не понял, что имел дело с носителями принципиально иной военной культуры, в основе которой лежит индивидуальное ратное мастерство и чрезвычайно гибкое реагирование на изменение ситуации. Каждый горец — не деталь военной машины, а сам по себе — армия (начальник штаба, командир, интендант и боец в одном лице).

Мобилизация чеченцев в ряды Добровольческой армии основывалась на солидном опыте, который Российская империя накопила в комплектовании вооруженных сил с учетом многонационального и поликонфессионального состава населения. Части, состоявшие из «инородцев», имелись уже в войске Ивана Грозного. В XIX столетии в ходе Кавказской войны на стороне правительства воевали многочисленные закавказские и горские ополчения, которые назывались милицией, хотя только отчасти имели признаки этой организации. В боях и походах под российскими знаменами участвовали отряды, скомплектованные буквально из всех народов края — грузинские, армянские,

азербайджанские, осетинские, чеченские, аварские, лезгинские. Исключение составляли только адыгейские племена. На Западном Кавказе количество лиц, согласившихся пойти на царскую службу, исчислялось буквально десятками, тогда как Дагестан, Осетия и Кабарда выставляли несколько тысяч воинов. Формирование милиции было одним из условий принятия присяги на подданство, причем коронная власть крайне редко вмешивалась в порядок комплектования, оставляя это в компетенции самих горцев. Определялась только общая численность ополчения.

Стремление горцев доказать свою воинскую доблесть, а также расчет на добычу позволяли формировать милицию фактически на добровольной основе. Большую роль на Северном Кавказе играл и фактор «вечного врага»: против тех, с кем имелись давние счеты, в поход шли очень охотно и в бою не щадили ни себя, ни противника. На сборный пункт милиционеры являлись со своим оружием и на своих лошадях, но во время боевых действий имели довольствие и жалованье по казачьим нормам, получали компенсацию за убитого или павшего коня, а в случае смерти семьям выплачивалось солидное по местным меркам пособие.

В 1880—90-е годы всеобщая воинская повинность была распространена на христианское население Кавказа (армяне, грузины, осетины). Недоверие правительства к лояльности мусульман этого края и Средней Азии проявилось в том, что до конца имперского периода истории России, несмотря на отсутствие примеров массового дезертирства или измены «магометан», вместо службы в рядах армии они платили специальный налог (тогда как крымские и волжские татары призывались на общих основаниях). Тем не менее, в годы и Крымской и Русско-турецкой войны 1877—78 гг. на Северном Кавказе было собрано несколько полков на добровольной основе и воинов не смущало то обстоятельство, что воевать приходилось против единоверцев. Сформированная в 1914 году на добровольной основе «Дикая дивизия» проявляла высокую боеспособность и сохранила ее, вероятно, дольше всех других соединений императорских вооруженных сил.

В дореволюционной армии командирами национальных частей назначались кадровые офицеры, как русские, так и представители местной знати, причем среди первых предпочтение отдавалось уроженцам края или тем, кто здесь долго служил и знал местные обычаи. Военные качества практически всех иррегулярных частей вне зависимости от их национальности находились в прямой зависимости от уровня мотивированности нижних чинов и командного состава. Если

речь шла о защите своей земли или о битве с «извечными» врагами, эти войска могли проявить чудеса воинского искусства. Успешными были их действия и в тех случаях, когда впереди ждала богатая добыча. Иногда боевой пыл удавалось поднять, апеллируя к самолюбию воинов, поскольку слава храбреца для жителей Кавказа — не пустой звук. Но при отсутствии заинтересованности иррегулярные полки уклонялись от выполнения боевых задач, таяли от массового дезертирства, превращались в банды мародеров. Эти же части значительно быстрее регулярных войск деморализовались в случае длительного бездействия или полосы неудач. В 1918—1920 годы национальные и казачьи формирования активно действовали только «у своих плетней» и большинство попыток повести их в дальний поход заканчивалось провалом.

В описываемый мемуаристом период обстановка на Северном Кавказе была очень сложной. Советская власть декларировала, а местами и провела в жизнь передел земли, который не устраивал казаков, до революции владевших лучшими угодьями. Давняя вражда между ними и горцами вспыхнула с новой силой, произошло несколько кровавых столкновений. На стороне Советов были так называемые «иногородние» (местные жители, не состоявшие в казачьем сословии и потому не имевшие войскового земельного пая), станичники-бедняки и пролетарии. Кроме того, за новую власть стояли солдаты бывшей царской армии, по разным причинам «застрявшие» здесь после демобилизации войск Кавказского фронта. Серьезную силу представляли отряды, действовавшие под националистическими и религиозными лозунгами, которые считали врагами как белых, так и красных, но заключали временные союзы с обеими сторонами, исходя из тактических соображений. В Ведено была резиденция эмира Узун-Хаджи, непримиримого врага белых. После краха коронной власти на Северном Кавказе он объявил себя имамом и приобрел значительное влияние благодаря своему авторитету религиозного лидера. Угроза со стороны Добровольческой армии заставила имама заключить союз с местными большевиками, причем отряд под командованием известного борца за советскую власть на Кавказе Н. Ф. Гикало значился 5-м полком войска имама.

Столкновения на национальной почве между чеченцами и казаками вспыхнули уже летом 1917 года, причем, как бывает в таких случаях, конфликт развивался по своей внутренней логике: виноватыми в кровопролитии были обе стороны. Казаки получили огромные запасы вооружения и боеприпасов со складов Кавказской армии и воспользовались этим для сведения старых счетов со своими соседями-горцами. Горцы не остались в долгу и

разгромили несколько хуторов. После первой пролитой крови заработал механизм кровной мести. Ситуация еще более усугубилась тем, что с согласия правительства Терской советской республики пять станиц было выселено, а земли переданы ингушам, владевшим ими еще в 1830-е годы.

В начале 1919 года Добровольческая армия, упрочив свои позиции на Дону, Кубани и Ставрополье, приступила к ликвидации в своем тылу «неподконтрольных» районов. Горцам были предъявлены следующие требования: разоружиться, выдать преступников (сочувствующих большевикам и участников столкновения с казаками) и пропустить войска через свою территорию. Ингуши и чеченцы ответили отказом: сдача оружия считалась в горском обществе позором, к большевикам отношение было двойственное (с одной стороны, против них стояло духовенство и аульская верхушка, с другой, они обещали выгодный для горцев передел земли), о выдаче же участников стычек с казаками не могло быть и речи. Пропуск войск через свою территорию мог обернуться конфликтом с соседями. Кроме того, в Добровольческой армии было много казаков — вечных врагов горцев. Во время отступления из Грозного некоторые красноармейские отряды подверглись нападению чеченцев, которые отбирали у них оружие и выдавали пленных деникинцам. Другие, наоборот, находили в чеченских и ингушских селах радушный прием. Два полка Добровольческой армии 7 марта 1919 года атаковали аул Гойты, жители которого отказались выдать большевиков. На помощь гойтинцам пришли соседи, и после нескольких дней боев нападавшим пришлось ретироваться. Штаб генерала Деникина решил изменить направление главного удара, и 26 марта 1919 года началось наступление на Алхан-Юрт, который через четыре дня был взят и полностью разрушен. После этого по равнинным районам Чечни и Ингушетии прокатилась волна репрессий. Летом 1919 года Добровольческая армия начала в Ингушетии и Чечне новую мобилизацию, сопровождавшуюся угрозами расправы в случае неподчинения. В Назрани восставшие новобранцы перебили офицеров, проводивших набор, и разошлись по своим домам. За это аулы Сурхохи и Экажево как «гнезда бунтовщиков» были сожжены, а уцелевшие жители бежали в горы. В Кизлярской тюрьме группа чеченцев, арестованных за оставление своих частей, разоружила охрану и несколько часов отбивала атаки. Осенью 1919 года положение белых в Чечне стало настолько угрожающим, что Деникин был вынужден направить туда значительные силы под командованием генералов Покровского и Шкуро.

Владимир Лапин

1916—1917 годы

Весною 1916 года собранные впервые за всю войну три гвардейских корпуса, объединенные под началом генерала-адъютанта Безобразова[1], стояли на отдыхе, числясь в резерве главнокомандующего Северного фронта[2]. С первыми лучами летнего солнца телеграф стал приносить радостные вести о крупных победах на юге. Поползли слухи о возможном наступлении гвардии на север. Ожидавшийся Высочайший приезд, а затем и приезд Шефа полка[3], толковались как напутствие к решительным действиям.

Неожиданно все резко изменилось: полки получили приказание подтянуться к железным дорогам и стали грузиться в поезда. Стало ясно: мы идем на юг, где наступление русских армий развивалось с невероятной быстротой[4]. В десятых числах июля полк лейб-драгун выгружался уже в районе города Луцка, у станции Клевань. Выгрузка происходила настолько спешно, что эскадроны выгружались ночью в открытом поле. По слухам, пешая гвардия уже занимала участок на фронте. Издали несся несмолкаемый гул тяжелой артиллерии.

Рано утром, на следующий день, полк, в полном составе, под веселые и бодрящие звуки трубачей потянулся в сторону фронта. Кругом был сплошной бивуак, подходили все новые и новые части. На десятки верст все дороги были забиты воинскими колоннами и обозами, и весь этот человеческий поток медленно двигался в сторону все усиливающегося артиллерийского грохота. Невиданное до сих пор скопление десятков, а может быть, и сотен тысяч войск и артиллерии невольно наводили на мысль, что именно здесь, на этом участке фронта, готовится сокрушительный удар австро-германским армиям. Повсюду встречались транспорты с ранеными, на ходу жадно схватывались и передавались по колонне фронтовые новости.

Пройдя верст сорок-пятьдесят и встреченные квартирьерами, лейб-драгуны круто свернули с дороги, втягиваясь в редкий лес Кроватки и попадая в сплошной конский и людской муравейник 12-й кавалерийской дивизии. У каждого дерева было привязано не меньше 4—6 лошадей. Тут же лежали сонные люди, вьючные седла, амуниция. Пройдя с версту, колонна полка остановилась, и эскадроны стали располагаться на бивуак. 2-й эскадрон расположился смежно с коновязями буланых лошадей ахтырских гусар. Вплотную к нам встали и другие полки дивизии, а немного в стороне разбила бивуак Кирасирская дивизия. Проезжающие ординарцы 3-й гвардейской и 11-й кавалерийской дивизий

говорили и о их близости. Итак, на небольшом участке собрано было пять кавалерийских дивизий.

Вскоре наши офицеры встретили друзей и приятелей по выпускам среди ахтырских гусар. Час-два спустя уже играли трубачи, песенники, подносились «чарочки». Все были веселы, все были рады встрече, и могло бы показаться, что никто не думал о той бойне, которая происходила в 6—7 верстах, если бы не раскаты сотен орудий, поминутно напоминавшие, что не сегодня-завтра и мы, возможно, будем призваны принять участие в общем кровавом пире войны.

Так простояли мы дня два-три. 12-я кавалерийская дивизия неожиданно снялась и куда-то ушла. Заговорили упорно о возможном на днях общем наступлении гвардии на Ковель. Вечером, после молитвы, перед эскадронами был прочитан исторический и редко-красивый приказ командующего войсками гвардии генерала Безобразова, начинающийся словами: «В день равноапостольного князя Владимира...», ставящего задачей гвардии, форсируя Стоходские болота, занять Ковель. Кавалерии предписывалось конными атаками и охватами флангов развивать достигнутый пехотой успех. Все сознавали важность момента; настроение было бодрое, молодежь радовалась, мечтая о красивых кавалерийских рейдах и атаках.

С рассветом 15 июля началась сильнейшая артиллерийская подготовка. Наша дивизия стояла поседланная, ожидая каких-то дальнейших приказаний. 2-й эскадрон лейб-драгун, стоя на лесной просеке, наблюдал воздушный бой двух аэропланов. Немецкий аэроплан, сделав в воздухе что-то вроде мертвой петли, очутился над хвостом русского аппарата, который стал медленно опускаться. В дальнейшем мы узнали, что на снизившемся аппарате оказалось тело убитого в воздушном бою нашего офицера полка, штабс-ротмистра Гринева.

От эскадрона был потребован офицерский разъезд[5] для связи с боевыми участками наступающей гвардейской пехоты. Получив приказание, я на рысях двинулся в указанном мне направлении. Проехав две-три версты и минуя несколько тяжелых батарей, расположенных у дороги в высокой ржи, я попал в глубокую ложбину, рассчитывая скрыться от беспрерывно взлетавших кругом земляных столбов и оглушительного завывания рвущихся шрапнелей. В обе стороны по дну ложбины галопом носились зарядные ящики, тут же вплотную стояло несколько легких батарей и санитарные повозки. Воздух содрогался от беспрерывного беглого огня артиллерии. Яркий солнечный день, казалось, заволакивало каким-то черным туманом. Словно молнии, мелькали огненные языки рвущихся

тяжелых снарядов. Воздух пропитан был горелым порохом. Лошади вздрагивали от близких разрывов и то и дело останавливались, требуя энергичного посыла шпор.

От встречных раненых я узнал о месторасположении разыскиваемого мною наблюдательного пункта. Оставив коноводов, я с 5—6 драгунами пошел пешком. Артиллерийские наблюдатели расположены были в глубоком, хорошо оборудованном и закрытом сверху блиндажом окопе. В полевой бинокль ясно обрисовывались окопы и проволока противника. Меткий и интенсивный огонь сотен наших легких и тяжелых орудий не оставлял ни клочка неприятельской позиции без обстрела.

Ровно в 12 часов дня назначена была атака гвардейских частей. По телефону из штабов происходила проверка часов начальников боевых участков, согласующих таким образом одновременность атаки. Стрелка часов медленно подходила к полудню. Огонь, как будто на мгновение затихший, вдруг с новой силой обрушился на противника. Перед глазами, совсем близко, из окопов, засыпаемых градом неприятельских снарядов, выходит беглым шагом густая цепь преображенцев. Одновременно сбоку появляется и другая цепь щегольски одетых красавцев, почти саженного роста. Перебежками подходят резервы. Черный дым множества разрывов заволакивает позиции противника. Немцы не выдерживают и начинают отходить...

Русская пешая гвардия после ряда атак, взяв несколько укрепленных позиций, большое количество пленных и орудий, остановилась, истекая кровью. Большинство полков понесло потери более 50% состава. Доблесть лучших полков Российской армии, и та имела предел. Полки пешей гвардии гибли, соперничая друг перед другом своей храбростью, но и они не могли под губительным неприятельским огнем преодолеть Стоходские болота и взять в лоб Ковель[6].

Гвардейская конница, подведенная тем временем непосредственно к линии фронта, стояла наготове броситься преследовать разбитого противника. Наш полк, а с ним, кажется, и вся дивизия, в эти роковые для пешей гвардии дни по тревоге был вызван на участок 3-й гвардейской дивизии. Весь бивуак сразу опустел. В темноте ночи, под зарево пожара и разрывы снарядов, эскадроны спешно выводили лошадей. Ругань и крики: «повод вправо», «под ноги канава», «вахмистра вперед» — наполнили весь лес. Эскадроны рысью, наталкиваясь друг на друга, шли куда-то в темноте. Разрывы снарядов, треск пулеметов и ружей возвещали о жестоком наступлении на деревню Витонеж. Полк остановился, построив резервную колонну. Стрельба стихла,

атака гвардии была отбита... Мимо нас потянулись сотни раненых. На носилках проносили убитых и тяжелораненых офицеров.

На рассвете полк был отведен снова в лес Кроватки. Бои принимали затяжной характер. Пешая гвардия, напрягая последние силы, вела упорные бои. В первых числах августа полки гвардейской кавалерии в пешем строю сменили в окопах гвардейскую пехоту, которая, наспех получив подкрепления, с новым упорством повела наступление на Владимир-Волынск.

Эскадронам лейб-драгун по наследству от преображенцев достались окопы впереди сожженной и разрушенной деревни Райместо. Позиция находилась на краю болота, и ветер, дующий со стороны противника, нес трупный запах разлагающихся в болоте человеческих тел. Первое время, в особенности ночью, противник нервничал: беспрерывно трещали пулеметы, вспыхивали ракеты, и сильные лучи прожекторов бегали по нашим окопам. В эти дни стрелковый эскадрон лейб-драгун, отбивая одну из немецких атак, перешел сам в наступление, потеряв убитым корнета Хабарова. С рассветом обыкновенно жизнь замирала. В окопах оставались одни наблюдатели, люди же спали в глубоких землянках. В определенные часы артиллерия противника начинала обстрел эскадронов. Так тянулись дни, недели — сидение становилось скучным.

В начале сентября гвардейская пехота, неся громадные потери в своем составе, вела героическую борьбу на подступах к Владимиру-Волынску[7]. Пополнения у нее стали иссякать. Выбитый офицерский состав не мог быть пополнен, и офицеры гвардейской кавалерии, по собственному желанию, стали переходить в гвардейскую пехоту. Два наших офицера — корнет фон Бретцель 2-й и безумной отваги и храбрости георгиевский кавалер штаб-ротмистр Ставский — заплатили жизнью за свой красивый порыв.

Наступившие в этом году ранние зимние холода почти остановили активность сторон, и оба противника, в значительной степени обескровленные, стали в бездействии друг против друга.

Гвардейская конница, перед самыми праздниками Рождества смененная в окопах 1-м Туркестанским корпусом, отведена была на отдых в район города Дубно, а затем в Острог (Волынской губернии). В полках поползли зловещие слухи о назревающих в Петрограде беспорядках и о возможной переброске в столицу. В газетах печатались изменнические и предательские речи безответственных думских деятелей. Убийство Распутина, беспрерывные смены в правительстве — все это говорило о каком-то назревающем кризисе. Но в эскадронах настроение было по-

прежнему бодрое и полное веры в победу; все ждали весны, а с нею и последних решительных действий на фронте[8].

В феврале месяце я уехал в отпуск в Киев, а затем в Одессу. Слухи о начавшихся в Петрограде беспорядках были один грознее другого. Передавались слухи о возможном отречении от престола Государя Императора. Не дожидаясь конца отпуска, я спешно выехал в полк. Проезжая станцию Казатин, я зашел в жандармское управление узнать новости. Я был поражен, узнав, что отречение Государя Императора — совершившийся факт. В тяжелом раздумье я вышел на перрон. Навстречу мне шел вольноопределяющийся одного из пехотных полков, явно еврейского типа; поравнявшись со мною, он нагло посмотрел мне в глаза, держа руки в карманах. Взбешенный видом этого гнусного типа, я резко подозвал его и обругал, что мгновенно придало ему должный воинский вид. Этот незначительный случай сильно меня взволновал, но впоследствие оказалось, что это была лишь «первая ласточка» революции.

Приехав на следующий день в полк, я не заметил никаких перемен. Люди эскадрона, как всегда, были подтянуты, становились во фронт, дежурный по эскадрону рапортовал. Среди офицеров была явная растерянность. Все с нескрываемым пренебрежением говорили о Временном правительстве. Рассказывали о рыцарском поступке нашего начальника штаба корпуса генерала барона Винекена, застрелившегося по получении манифеста об отречении Государя, о телеграмме генерала Хана-Нахичеванского с выражением от имени гвардейской кавалерии верноподданнических чувств Монарху и просьбой о разрешении гвардейской коннице навести порядок в обезумевшей и бунтующей столице.

Скучно, тоскливо и как-то безнадежно шли дни, недели. Однако чувствовалось, что вековая спайка между солдатами и офицерами распадается — мы начинали говорить на разных языках, не пытаясь друга друга понять. На бивуаках появились демагоги, комитеты выносили утопические требования командному составу. Офицеры полка, в силу своего воспитания и понимания долга, не пошли за революцией и не стеснялись с первых же дней высказывать свое к ней отвращение. Требования революции: полное обезличивание начальства, отказ от всех идеалов, признание Временного правительства и того глубокого хамства и предательства, которое охватило все необъятное пространство России, — не могли быть для них приемлемыми.

Пропасть между нами с каждым днем увеличивалась. Временное правительство, топча все права офицера, заботилось лишь об углублении революции.

С наступлением лета полк снова занял позиции у деревни Райместо. Пребывание в окопах имело то положительное значение, что близкий разрыв немецкого снаряда сразу же восстанавливал авторитет офицера, отменяя все нелепые постановления комитетов.

В июле месяце я со взводом 2-го эскадрона лейб-драгун был послан для охраны штаба соседней с нами 102-й пехотной дивизии и предотвращения имевших уже там место беспорядков. Через 3—4 дня пребывания в пехотной дивизии я не узнавал своих людей; драгуны, прекрасно одетые, в синих рейтузах, красных погонах, затянутые в белые гвардейские ремни и сидящие на рослых полукровных лошадях, сразу же почувствовали свое превосходство над серой толпой агонизирующей пехоты. Будучи далеко от взоров комитета, они быстро подтянулись, исполняли все приказания и исправно несли службу. Бодрый и отличный вид моих лейб-драгун вскоре вызвал запрос в пехотном комитете, и спустя несколько дней мы были переведены в разряд контрреволюционеров, чему способствовал следующий случай: одна из батарей 102-й дивизии дала несколько высоких шрапнелей над братающейся с противником ротой и, получив грозное предупреждение от своей пехоты, ждала жестокой расправы. Я со взводом по тревоге был вызван на батарею. Одно появление драгун ошеломляюще подействовало на толпу пехотных дезертиров, и они без всяких пререканий исполнили мое приказание и покинули батарею.

В первых числах августа я был отозван в полк. 9 августа, подав рапорт о женитьбе, я уехал в отпуск. Прощаясь с офицерами эскадрона и уезжая на три недели, я был далек от мысли, что полк, его боевой штандарт и многих офицеров я уже никогда не увижу.

В конце августа, живя на южном побережье Крыма, я получил извещение полкового адъютанта о продлении мне отпуска и переводе моем в маршевой эскадрон в Кречевицы с почти одновременным постановлением комитета о выражении мне недоверия как «стороннику старого режима».

Служба в полку без постоянных компромиссов становилась уже невозможной. Для меня, офицера, воспитанного в понятиях служения Престолу и Отечеству, подобный отзыв людей родного мне эскадрона был наибольшей наградой.

Константинополь, 1922 г.

Из воспоминаний о службе в чеченской конной дивизии

Часть 1. Степной Астраханский поход 1919 года

Попав на фронт Гражданской войны в туземную часть, мне поначалу все окружающее казалось столь новым и временами захватывающим, что я решил записывать все наиболее интересное.

Возя тетрадь в полевой книжке, мне удавалось отмечать события по дням, а иногда и по часам, зачерчивая на месте и кроки[9]. По окончании похода мои записки вылились в четыре объемистые тетради-дневника.

Переживая в памяти минувшее, я выбрал из своих записок и переработал отдельными очерками все, могущее иметь интерес с военной и бытовой точки зрения, как своего рода зарисовки с натуры одного из участников Степного Астраханского похода.

В мае месяце 1919 года, через Румынию, я прибыл в Екатеринодар, проделав предварительно бесславную эвакуацию Одессы, которую наши доблестные союзники бросили на произвол судьбы, бежав перед бандами большевиков[10]. После прибытия на Кубань предо мной стал вопрос — куда ехать? Погоны лейб-драгуна, которые я имел честь носить, конечно, указывали направление и разрешали все вопросы. Одновременно с этим у дежурного генерала Штаба Армии генерала Эрна[11] имелось предписание генерала Эрдели[12], нашего бывшего командира полка, а в настоящее время Главнокомандующего Северным Кавказом, о направлении в его распоряжение всех прибывающих офицеров лейб-драгун. Положение создавалось двойственное... Екатеринодар того времени, а Кубанское Военное Собрание в вечерние часы в особенности, представляло собой сосредоточие всех прибывающих с фронта офицеров. Повидав немало друзей и знакомых, у меня создалось определенное впечатление, что полки гвардейской конницы все еще находились в первоначальной стадии формирования: имелись офицеры, но почти не было солдат и отсутствовали лошади. Наряду с этим победоносная Кавказская Армия генерала Врангеля развернула громадные казачьи конные корпуса, но испытывала недостаток в офицерском составе. Во мне, еще молодом тогда штабс-ротмистре, происходила внутренняя борьба. В туземной части мне обещали сотню или эскадрон. В русскую часть я в то время не стремился: у меня была еще слишком подорвана после революции вера в

солдата. Мне хотелось воевать, я был полон сил для борьбы и мести, мне мерещились конные атаки и глубокие рейды в тыл, и я легко поддался внутреннему голосу и уговору друзей и ночным поездом выехал в Пятигорск. (За что почти год спустя выслушал несколько горьких слов от старшего штаб-офицера лейб-гвардии Драгунского полка полковника Римского-Корсакова.)

Явившись к генералу Эрдели, я узнал о формировании в городе Святой Крест Чеченской конной дивизии, один из полков которой генерал Эрдели предполагал дать в командование доблестному и всеми нами любимому нашему старому лейб-драгуну полковнику Кучевскому. Несколько дней спустя в Пятигорске ко мне присоединился мой однополчанин и офицер моего эскадрона, ротмистр Феденко-Проценко; вскоре прибыл корнет Алехин, и ожидался приезд штаб-ротмистра Генрици 3-го. Желая ознакомиться со всеми на месте, ротмистр Феденко-Проценко и я выехали на следующей день в Святой Крест, где явились начальнику формирующейся Чеченской конной дивизии генералу Ревишину[13]. Прием нам был оказан подчеркнуто радушный; оказалось, что приезд полковника Кучевского для принятия полка несколько задержался его семейными делами. Дивизия предполагала выступить через неделю в Астраханский Степной поход, имея заданием своего наступления взятие Астрахани с юга и в дальнейшем соединение с армией генерал Врангеля, наступавшей в то время на Царицын. Генерал Ревишин предложил нам зачислиться в дивизию и временно, до приезда полковника Кучевского, оставаться в его распоряжении.

Мы были столь любезно и радушно приняты в штабе дивизии и во 2-м Чеченском конном полку, где вечером в собрании обедали, что на следующее же утро подали рапорта о прикомандировании и отбыли в Пятигорск для устройства своих личных дел и оформления всех деталей. Через 3—4 дня я был уже снова в Святом Кресте. Штаб дивизии был небольшой: начальником дивизии был генерал Александр Петрович Ревишин, бывший командир Крымского конного Е. В. полка, строгий, придирчивый, сухой и мало в полках любимый начальник, начальником штаба — генерального штаба капитан Вельтищев, самый несимпатичный из всего состава, человек весьма либеральных и даже левых убеждений и к тому же маловоспитанный; но, к счастью, недели через две он нас покинул, обидевшись на начальника дивизии, и уступил свое место полковнику Мацневу, доблестному и достойному офицеру, обладавшему поразительным военным чутьем и пониманием боевой обстановки. Старшим адъютантом штаба дивизии был ротмистр Хаджи-Коли, бывший лубенский гусар; помощником

его — поручик Тимрот, офицер лейб-гвардии Петроградского полка, глубоко культурный и интересный собеседник. Старшим дивизионным врачом был д-р Яниус — милейший и компанейский человек; не знаю, насколько он преуспевал в медицине, но посидеть среди офицерской молодежи за стаканом вина он был всегда не прочь. Картина штаба дивизии будет не полна, если не упомянуть про Инну Андреевну Яниус, сестру милосердия перевязочного отряда и жену дивизионного врача — чрезвычайно умную, хитрую и в то же время добрую женщину: много тяжелых минут походной жизни она нам всем скрашивала своими заботами и редким доброжелательством ко всем.

Через два дня по моем приезде вся дивизия, то есть три полка, сосредоточилась в окрестностях села Величавое, конечном пункте перед громадными и безводными астраханскими степями — где нам все было неизвестно...

Боевой состав Чеченской конной дивизии того времени состоял из трех полков: 1-го Чеченского конного — весьма сборного офицерского состава, с командиром полковником Стрехой (кинбурнским драгуном); 2-го Чеченского конного — по преимуществу из офицеров Крымского конного Е. В. и отчасти 14-го гусарского Моравского полков, с командиром полковником Флериным (бывшим полевым жандармом); и наконец 3-го Чеченского конного полка, с сильно смешанным составом офицеров из регулярных и казачьих полков и с доблестным командиром, терским казаком полковником Борисовым. 4-й Чеченский конный полк находился еще в формировании и в поход должен был выступить только впоследствии. Все три полка были довольно большого четырехэскадронного состава, при полковых пулеметных командах. Следует здесь же упомянуть об общем любимце дивизии и большом джентльмене, командире бригады, Волынском улане генерал-майоре О'Реме[14], который своим тактом не раз смягчал шероховатости, невольно возникавшие при тяжелой походной жизни.

Итак, 30 мая 1919 года дивизия двумя параллельными колоннами на интервалах в 1 1/2 — 2 версты, с походными мерами охранения, выступила в чрезвычайно трудный по условиям для больших конных масс Степной Астраханский поход; путь лежал через пункты, обозначенные на карте, но на местности в действительности отсутствующие, как-то: Артезианский колодец, Цимбу-Гайдукская и проч. Сплошные пески на сотни верст, без дорог, почти без растительности и воды, представляли собой какое-то мертвое море песка, с одинаковым ландшафтом, как сегодня и завтра, так и через неделю почти беспрерывного движения. Единственное, что мы встречали в пути — это

раздутые, разложившиеся трупы лошадей и верблюдов — следы отхода красных после разгрома их на Северном Кавказе. Неисчислимое количество змей и ящериц проползало под ногами лошадей; изредка на горизонте проносился табун диких лошадей. Раза два за весь поход мы встретили юрты бродячих калмыков. Это несчастное племя скиталось по пескам со всем своим несложным скарбом и скотом, жестоко страдая и от красных, и от чеченцев, которые не прочь были ограбить его в пути, если офицер недосмотрит вовремя.

Невероятные лишения и страдания испытывали мы от зноя и отсутствия воды, которая за все семь дней пути попадалась нам только два раза. Громадной, нескончаемой колонной следовал за дивизией обоз с водой на верблюдах, но, конечно, не мог утолить жажду людей и лошадей дивизии: вода отпускалась аптекарскими дозами; начались падеж лошадей и желудочные заболевания среди всадников. Нужно было торопиться выбраться из этой мертвой пустыни: всякая лишняя дневка только ухудшала и усугубляла положение. Дивизия двигалась днем, сжигаемая солнцем, и однажды даже ночью, при свете луны, держа направление прямо по компасу. На походе днем останавливались главным образом для кормежки лошадей, если где-нибудь находили выжженную солнцем траву. На ночь останавливались прямо в песках, выставляя круговое охранение.

На седьмой день похода, то есть 5 июня к вечеру, опрокинув без особого труда красные заслоны, мы, полуизнуренные, подошли к деревне Терновская и Благодатная, разбросанным на берегу громадного озера. Надо было видеть ликование людей, увидавших наконец воду после семи дней такого перехода; лошади тоже повеселели, предвкушая обильный водопой, купанье и прекрасное пастбище.

Почти одновременно с нами из города Кизляра, через степи по большому тракту подошла дивизия терских казаков[15] под начальством генерала Каленина[16]. Это были чудные полки, сохранившиеся, несмотря на революцию, со времени Великой войны: 6 сотен Сунженско-Владикавказского казачьего полка и 8 сотен 1-го и 2-го Кизляро-Гребенского казполков, при 6-й и 8-й Терских конных батареях. Всем собравшимся теперь сводным отрядом вступил в командование молодой и энергичный генерал Драценко[17].

На походе генерал Ревишин, начальник Чеченской конной дивизии, просил меня временно принять команду ординарцев, что являлось своего рода личным конвоем начальника дивизии. Команда эта состояла из 43 по преимуществу русских добровольцев — солдат, урожденцев Ставропольской губернии;

все это были молодцы, по большей части служившие в партизанских и разведывательных командах в Великую войну; ротмистр Феденко-Проценко начал временно исполнять обязанности начальника службы связи при штабе дивизии.

6 июня в 5 часов утра весь громадный бивуак ожил; где-то далеко переливаясь в свежем утреннем воздухе, несся сигнал кавалерийской трубы. У озера спешно шел водопой и, полчаса спустя, ровными прямоугольниками строились резервные колонны полков; в интервалах встали конные батареи. Со всех сторон слышно веселое ржание коней, все бодры, веселы от сознания, что степи уже пройдены, они позади, впереди неизвестность, но уверенность в себе при виде столь внушительного конного отряда. Проходит еще немного времени, раздается команда «шашки вон слушай»… и затем — «господа офицеры»... на широком галопе проносится начальство, здороваясь с полками.

По окончании объезда Сунженско-Владикавказский полк, назначенный в авангард, выступает на северо-восток, беря направление вдоль главного тракта на деревню Оленчевка, где, по сведениям разведки, сосредоточились крупные силы красных, пехота с артиллерией и 7-я красная кавалерийская дивизия. В главных силах идут 1-й и 2-й Кизляро-Гребенской казачьи полки, 6-я и 8-я батарея и три полка Чеченской конной дивизии.

Первые верст десять наша громадная, на много верст растянутая колонна двигалась беспрепятственно, но час-полтора спустя у казаков в авангарде началась перестрелка. 6-я конная батарея, огибая походную колонну прямо слева по пескам, карьером вылетела на позицию и открыла беглый огонь по деревне Оленчевка. Голова колонны главных сил, дойдя до бугров, остановилась. Начальник дивизии приказал мне с ординарцами следовать за ним и, обгоняя казаков, галопом пошел в авангард. Четыре сотни сунженцев уже спешились и выведены были на вершину бугров, откуда по склонам цепью, под прикрытием огня конной батареи, повели наступление на деревню. Две сотни авангарда в конном строю стали уступом за правым флангом. Красные развили сильный огонь, но снаряды их рвались высоко — «журавлями», не причиняя нам большого вреда, от ружейного же огня мы были укрыты мертвым пространством.

Обстановка к этому времени начала понемногу вырисовываться: деревня Оленчевка занята крупными силами при 6—8 орудиях и множеством пулеметов впереди деревни, шагах в 200, имелась одна, а может быть, и две линии неглубоких окопов. На флангах заметно крупное сосредоточение конницы, причем на

правом фланге она то и дело старается выиграть наш фланг. Находясь на наблюдательном пункте при авангарде, я отчетливо видел атаку красной конницы: незаметно обойдя нас слева, она, развернув 4 эскадрона, пыталась ударить по колонне главных сил, но командор бригады генерал О'Рем не растерялся и бросил в атаку навстречу им 3-й Чеченский конный полк, который лихо на карьере вынесся из колонны и развернулся. Красные, не приняв удара, повернули и скрылись в степи.

Красные упорно держались в деревне и перед ней, развивая страшный огонь; казаки окопались и не могли продвигаться, то и дело из цепи выносили убитых и раненых казаков.

В это время шло подтягивание главных сил для занятия наивыгоднейшей позиции для общей атаки. Бугры и складки местности сильно облегчали маневрирование, образуя повсюду мертвые пространства. Авангард, усиленный пулеметами различных полков, вел упорный и безрезультатный бой уже в продолжение нескольких часов, впитывая в себя для усиления все новые сотни и эскадроны. Около 3-х часов дня на место боя прибыл командующий всей Астраханской операцией генерал Драценко, и вскоре последовало следующее распоряжение: 1-му и 3-му Чеченским конным полкам, 1-му и 2-му Кизляро-Гребенским полкам, под общим начальством генерала Ревишина атаковать деревню Оленчевку, имея заданием разбить противника и отрезать ему возможность отхода на деревню Промысловое, дорога на которую прикрывалась красной конницей при двух броневиках; кроме того, местами, по сведениям, имелись небольшие окопы с пулеметами. 2-й Чеченский конный полк оставался в резерве начальника дивизии.

Во исполнение приказания генерала Драценко полки приняли следующее для атаки положение: прямо с юга по обеим сторонам дороги нашего следования, в цепи оставались лежать, ведя огневой бой, четыре сотни сунженцев-владикавказцев, имея тут же за спиной, в глубокой котловине, своих коноводов; на правом фланге, уступом за буграми, стали две сотни сунженцев-владикавказцев в конном строю, для обеспечения справа всего боевого участка. Немного сзади, в складках местности, расположилась 6-я Терская конная батарея, не прекращая вести огонь по деревне, тут же поблизости укрыто встал 2-й Реченский конный полк, назначенный в общий резерв. Слева от дороги, рассыпавшись в лаву, укрыто встали 4 эскадрона 3-го Чеченского конного полка, и почти в затылок им на полверсты сзади — встала 8-я Терская конная батарея, беря таким образом деревню Оленчевка в перекрестный огонь с двух флангов. Еще левее за полувысохшей речкой за буграми, прямо против дороги на

деревню Промысловое встали 1-й и 2-й Кизляро-Гребенские казачьи полки, имея заданием атаковать красную конницу и отходящие из деревни силы. Значительно левее, для глубокого перехвата дороги на Промысловое, был направлен 1-й Чеченский конный полк. Таким образом, для общей атаки было назначено шесть конных полков при содействии двух конных батарей и имея в резерве один конный полк.

Атака началась в 6 1/2 часов вечера. Согласно приказанию генерала Ревишина, атаку должен был начать 3-й Чеченский конный полк с расстояния приблизительно около полутора верст. Причем по выходе чеченской лавы на стрелковую линию сунженцев-владикавказцев казакам должны были быть поданы коноводы, и они должны были присоединиться к общей атаке, охватывая деревню справа, то есть с юго-востока. 1-й и 2-й Кизляро-Гребенской полки должны были начать атаку 5 минут спустя после чеченцев. Ротмистр Феденко-Проценко и я неоднократно ездили по всем полкам, сверяя часы и отвозя последние приказания начальника дивизии.

Ровно в 6 часов 30 минут 3-й Чеченский конный полк лавой вышел из-за бугров. Красные заметили движение, развили бешеный огонь из своих 6—8-ми орудий и множества пулеметов. Наши батареи стали отвечать, взяв деревню под перекрестный огонь. Двигаясь вперед, лава вдруг стала задерживаться, встретив дважды на своем пути полувысохшие рукава речки, получилась какая-то заминка. Красные, пользуясь этим, развили максимум огня. Многие всадники падали, лошади, ошалев от разрывов, без всадников носились по полю. Генерал Ревишин, наблюдая в бинокль с высокого бугра за боем, нервно бил себя нагайкой по голенищу сапога и ругал чеченцев за вялость. Вдруг, резко обернувшись ко мне, он приказал: «Штаб-ротмистр Де Витт, разворачивайте своих людей в лаву и поддержите атаку 3-го полка». — «Шашки к бою, в лаву от середины!» — командую я, и с места широким галопом мы двинулись вперед. В это время слева раздалось дружное «ура» двух Кизляро-Гребенских полков, и подбодренные чеченцы, с криком «Аллах!», увлекаемые казаками, бросаются на деревню. Я издали видел удалявшиеся лавы чеченцев. Еще минута — и я их теряю из виду в складках местности. Со всех сторон, обгоняя друг друга, неслись всадники. Проскакивая мимо цепей сунженцев-владикавказцев, я видел, как они быстро садились на лошадей и отдельными сотнями неслись вправо. Огонь красных, достигавший страшного напряжения, вдруг почти стих.

Подойдя к линии окопов пять-семь минут после того, как через нее пронеслись ворвавшиеся в деревню чеченцы, первое, что

я заметил, — это множество убитых лошадей и изрубленных тел пехоты, и среди них — 3—4 брошенных перевернутых пулемета. «Здесь произошел первый шок[18] и первая рубка», — подумал я, а минуту спустя мы уже и сами влетели в деревню.

По улице шла беспорядочная стрельба; какие-то отдельные люди вдали отстреливались на ходу и куда-то бежали. Собрав быстро своих людей, мы рысью пошли вдоль домов. От раненых и отставших чеченцев я узнал, что полк их, не задерживаясь, преследует красных, казаков же вообще в деревне не было. Двигаясь по улице вслед за ушедшим 3-м Чеченским полком, я заметил шагах в 300 вправо и впереди 3—4-х убегавших вдоль забора красноармейцев. Резко выслав шпорами лошадь, я бросился за ними; обгоняя меня, неслись ординарцы; я как-то сразу потерял всех из виду, замечая только одного толстого большевика, удирающего изо всех сил и держащего почему-то в левой руке винтовку. Еще момент, и я его настигаю, желая ударить его шашкой; но лошадь меня обносит, он жмется к забору, я все же ловлю момент и рублю его по плечу, но, к сожалению, удар был слабый и с запозданием, — я рубил его назад, уже проскочив. Он выпустил, как мне показалось, винтовку, моя пугливая лошадь снова шарахнулась в сторону, но в это время красноармейцу преградил дорогу какой-то чеченец на белой лошади и набросился на него. В то же время деревня начала наполняться всадниками 3-го Чеченского конного полка. По всей деревне шла охота за отдельными отставшими красноармейцами: их вытаскивали из сараев, домов — расправа была беспощадная, хотя некоторые и пытались сопротивляться, по деревне все время летали шальные пули. Остановить озверелых чеченцев не было никакой возможности — это была их стихия; разбойничья кровь давала себя знать, они мстили за своих погибших.

В это время шагах в 200 от меня красный кавалерист, отбившийся, очевидно, от своих и преследуемый штаб-ротмистром Бухаловым (3-го Чеченского полка), вскочил, ища спасения, в открытые ворота одного из домов, думая проскочить в поле; но выхода, на его несчастье, не оказалось; видя свою роковую ошибку, он пытался снова выскочить на улицу, но в воротах ему преградил путь настигший его штаб-ротмистр Бухалов и ударом шашки по голове выбил его из седла. Минуты две спустя, когда я подъехал, протолкавшись через толпу чеченцев, я увидел прямо против ворот лежащего на земле мертвого красноармейца с глубокой рубленой раной поперек всего лица; два-три чеченца, как вороны, сидели уже на нем, срывая с него снаряжение, оружие и выворачивая карманы... Тут

же какой-то чеченец держал в поводу отбитую лошадь, поседланную кавалерийским ленчиком[19]. Увидав меня, штаб-ротмистр Бухалов подъехал ко мне: «Вот видите его — это седьмой, которого я лично сегодня зарубил». Вид у штаб-ротмистра Бухалова был возбужденный и даже зверский, в руке он держал окровавленную шашку и сам был весь забрызган кровью.

Круто осадив лошадь, подъехал ординарец начальника дивизии с приказанием мне возвращаться назад с людьми моей команды; штаб-ротмистр Бухалов поехал со мной. Едучи рядом шагом, мы делились впечатлениями атаки. По его словам оказывалось, что 3-й Чеченский полк, опрокинув красную пехоту в окопах, легко ворвался в деревню и, преследуя бегущих, прямо через дворы выскочил в поле, где и стал собираться. Но тут, при виде издали атакующей наш левый фланг красной конницы, среди чеченцев началось замешательство, едва не обратившееся в общую панику. К счастию, положение спасли казаки Сунженско-Владикавказского полка, вышедшие в обход деревни справа и бросившиеся прямо в лоб на красных. Видя атаку казаков, чеченцы бросились за ними; произошел встречный кавалерийский бой, причем казаки рубили прекрасно, чеченцы же, не веря в удар своей шашки, стреляли прямо с коня в упор. Получилась общая свалка, и красные повернули, ища спасения в бегстве.

Проезжая по краю деревни, мы видели, как чеченцы вытащили из стога сена двух стрелявших красноармейцев и тут же их расстреляли. На дороге, около брошенных окопов, стоял уже наш перевязочный отряд и самоотверженно подбирал и перевязывал раненых. Рубленые, в большинстве случаев головные раны, были очень тяжелые. Красная конница прекрасно владела шашкой — это были почти сплошь красные казаки, и раны у чеченцев были в большинстве смертельные. Я сам видел разрубленные черепа, видел отрубленную начисто руку, плечо, разрубленное до 3—4-го ребра, и проч. — так могли рубить только хорошо обученные кавалерийские солдаты или казаки.

Когда я явился к начальнику дивизии, генерал Ревишин обратился ко мне с вопросом, может ли штаб дивизии входить в деревню. На это я чистосердечно ответил, что считаю это преждевременным, так как деревня хотя и взята, но еще не очищена от красных, отставшие и отбившиеся от своих большевики еще всюду прячутся по деревне, и в настоящее время идет жестокая с ними расправа. Меня поддержал начальник штаба, говоря, что переход всего штаба в деревню только осложнит положение и не поможет установить утерянную связь с полками. Тут я узнал, что 2-й Чеченский конный полк, бывший в

резерве генерала Ревишина, был брошен куда-то на правом фланге, иначе говоря — впустую, так как главное направление было левый фланг, то есть дорога, ведущая на Промысловое, правый же фланг наш и без того почти упирался в море. В настоящее время в распоряжении начальника дивизии не было ни одной сотни, ни эскадрона, и сам генерал Ревишин чуть ли не лично хотел ехать собирать полки и выяснять обстановку.

Положение спасла Инна Андреевна Яниус (жена старшего врача): чего не мог добиться начальник штаба дивизии, того легко добилась женщина... Штаб остался на месте ждать выяснения обстановки; начинались сумерки, и решено было ночевать в поле, выставив круговое охранение из ординарцев и людей команды связи. Где были полки и что теперь происходило — на эти вопросы никто ответить не мог.

Я отошел в сторону. На сложенных бревнах сидел штаб-ротмистр Бухалов; вестовой поливал ему воду на руки из котелка, смывая запекшуюся кровь, которой тот был весь покрыт. Рядом на бревнах лежал окровавленный клинок кавказской шашки. «Я высушиваю эту подлую кровь большевиков и хочу сохранить в таком виде свою шашку,на память о конной атаке», — сказал он, обращаясь ко мне.

Нервный подъем постепенно прошел, усталость и голод сильно давали себя знать, и перекусив тем, что достал мой вестовой, я тут же прилег, завернувшись в бурку. Вскоре пошел дождь, нужно было вставать; привели большую партию пленных, со всех сторон тянулись легкораненые. Ротмистр Феденко-Проценко беспрерывно рассылал ординарцев разыскивать в ночной темноте ушедшие вперед полки.

К рассвету обстановка стала выясняться и устанавливаться связь, и часов в 6 утра штаб дивизии перешел в деревню Оленчевку. Деревня набилась уже до отказу чуть ли не всеми полками отряда. Согрев большие чаны воды, наши вестовые устроили нам баню — впервые за 8 дней удалось по-настоящему вымыться и снять сапоги, для нас это был настоящий праздник.

Тут на улице раздалось вдруг несколько сухих выстрелов: оказалось, что выбежавший откуда-то китаец-большевик разрядил револьвер в идущего по деревне корнета 2-го Чеченского конного полка Думбадзе (офицера Крымского Е. В. полка); к счастию, он промахнулся; не растерявшийся корнет Думбадзе позвал чеченцев, поймал его и лично тут же прикончил.

Закончив свой туалет, мы пошли побродить по деревне. В одном из дворов перед сараем на стуле сидел привязанный голый человек. Подойдя ближе, мы убедились, что это был труп, весь изрезанный кинжалами. Тут же стояли чеченцы и с чувством

удовлетворения и гордости поясняли, что это они сами судили пойманного ночью комиссара деревни — бывшего матроса. В одном из дворов на земле были сложены для погребения десятка полтора тел убитых чеченцев и казаков, а за сараем в поле длинной шеренгой лежали убитые большевики, из которых двое были в матросской форме и человек шесть китайцев[20].

Днем к завтраку в Собрание стали собираться офицеры 2-го и 3-го Чеченских полков. Героем дня был штаб-ротмистр Бухалов: все восторгались его рубкой и в душе завидовали ему, он же с гордостью показывал свою шашку и свои синие рейтузы в кровавых пятнах. За столом из общего разговора выяснился во всех подробностях бой вчерашнего дня: хотя эскадроны и сотни дрались хорошо и с большим подъемом, все же задача была выполнена только наполовину; деревня была, правда, взята, но враг не уничтожен и не разгромлен, а в массе своей под прикрытием двух броневиков и своей конницы, отошел на деревню Промысловое. «По мысли начальства, — как красноречиво доказывал начальник штаба, — длительный и упорный стрелковый бой сунженцев-владикавказцев имел целью сковать противника на южном участке деревни, главный же удар намечался 1-м и 2-м Кизляро-Гребенскими полками в разрез всего боевого участка по дороге Оленчевка — Промысловое, после чего, оставив сильный заслон с пулеметами, казаки должны были повернуть фронтом направо, при содействии 3-го Чеченского полка, а также обходящих сотен сунженцев-владикавказцев, взять деревню Оленчевку в клещи с трех сторон и отрезать всю группу красных». 1-й Чеченский конный полк, находившийся в глубоком, почти 10-верстном, обходе слева, должен был перерезать дорогу Оленчевка —Промысловое, не допуская подхода к красным подкреплений; однако полк задания своего не выполнил, потерял с утра связь с дивизией и в течение дня четыре раза безрезультатно атаковал позицию красных, пока, в свою очередь, сам не был атакован красной конницей и отброшен далеко в поле. Необстрелянные всадники, попав в тяжелое положение, разбежались, и на следующий день удалось собрать едва половину полка: большая часть бежала в степи и затем дезертировала к себе в Чечню.

По приказанию начальника дивизии командир 1-го Чеченского конного полка полковник Стреха был отрешен от должности. Оба полка кизляро-гребенцов, с большим подъемом и порывом атаковавшие, не выполнили своего прямого назначения: опрокинув красных в окопах у дороги и не выставив никакого заслона, они бросились, широко разбросав свои сотни, в преследование противника, дойдя в увлечении до плавней на

берегу моря. Красное командование искусно этим воспользовалось и почти беспрепятственно, под прикрытием своих двух броневиков, а также нескольких эскадронов, смогло отвести свои части на Промысловое. Ошибкой надо признать и то, что генерал Драценко потерял массу времени на бесконечные перегруппировки и передвижения полков для занятия исходного положения для атаки, назначив последнюю только в 6 час. 30 мин. вечера, в то время, когда в степи уже темнело. Таким образом, даже при полной удаче и согласованности действий полков оставалось бы слишком мало времени для развития успеха. Вообще же и управление, и связь с частями во время боя заставляли желать лучшего. Потери Чеченской конной дивизии, то есть в 1-м и 3-м полках, были следующие: 2 офицера убиты, 6 офицеров ранены, чеченцев убито 92 и ранено около 150-ти, лошадей убитых и раненых около 200. В казачьих полках потери также были велики, но точные цифры их мне неизвестны.

В деревне Оленчевка мы простояли два дня, приводя себя в порядок и перековывая лошадей, и только 9 июня в 5 часов утра длинная походная колонна Чеченской конной дивизии с приданными ей 1-м и 2-м Кизляро-Гребенскими полками и 6-й и 8-й Терскими конными батареями вытянулась по большому Астраханскому тракту, в направлении на Промысловое, имея во время следования вправо от себя, в нескольких верстах, берег Каспийского моря. По сведениям разведки, деревня Промысловое была уже оставлена противником, ушедшим на север. Не задерживаясь в деревне, мы проследовали дальше. Движение наше носило совершенно мирный характер, и только пройдя верст сорок, колонна остановилась: в авангарде послышалась стрельба, но минут пять-десять спустя все опять стихло. Казаки, шедшие в авангарде, коротким ударом сбили сторожевое охранение красных и заняли деревню Яндыковку. Не доходя деревни, полки стали на рысях подтягиваться, строя в поле резервные колонны. Громадная процессия с колокольным звоном и во главе со священником в полном облачении встретила начальника отряда, прося его тут же отслужить благодарственный молебен об освобождении от красных и даровании нам победы. Весь конный отряд стал бивуаком на открытом месте, и только штабы и лазарет расположились в деревне. В направлении на деревню Михайловку была выслана сильная разведка, так как имелись сведения, что у красных были там хорошие позиции. В течение дня к нам подошли две сотни пластунов[21], привезенных морем; они имели прекрасный и бодрый вид. Чрезвычайно радушный прием населения и чудные пастбища кругом заставили забыть на короткое время о тягостях походной жизни. В деревне

на площади играли казачьи трубачи, и тут же в пыли кружились парочки местных девиц с казаками; в стороне чеченцы мрачно и на один мотив пели свои заунывные песни.

Но в походной жизни все быстро меняется, и в 10 часов вечера начали трубить тревогу. В темноте, при свете догорающих костров, полки быстро седлали и снова строились; не теряя времени, мы выступили дальше на север. Не доходя пяти верст до деревни Михайловки, в поле, выставив почти круговое охранение, мы остановились, коротая остаток ночи. С рассветом, еще в мягком предутреннем тумане, пластуны и спешенный 2-й Чеченский конный полк перешли в наступление под прикрытием двух казачьих батарей. За флангом уступом держалась вся конная масса. Командир бригады генерал О'Рем временно, из-за нездоровья генерала Ревишина, командовал всем передовым отрядом.

Завязался упорный огневой бой; пластуны доблестно и с большим порывом повели наступление, захватив почти всю деревню, отжимая красных к реке и стремясь разрезать их боевое расположение захватом широкого бревенчатого моста; к сожалению, попытка их не удавалась. Противоположный командующий берег представлял противнику прекрасную оборонительную позицию с хорошим обстрелом. Все попытки пластунов и чеченцев 2-го полка атаковать небольшой окоп, вынесенный на нашу сторону реки перед мостом, отбивались бешеным пулеметным огнем с противоположного высокого берега. Генерал О'Рем берет ротмистра Феденко-Проценко и меня и лично выезжает вперед ознакомиться с обстановкой. Красивая, затянутая в черкеску фигура генерала, сидящего на чистопородном сером англоарабе, импонирует частям; здороваясь с полками, он под сильным огнем полевым галопом несется к начальнику стрелкового участка. Положение тяжелое: пластуны и чеченцы залегли, не в силах собственными средствами овладеть мостом. Генерал О'Рем вызывает командира 1-го Кизляро-Гребенского полка и приказывает ему спешить полк и усилить цепь. Командир терских казаков молча выслушивает приказание и, приложив руку к папахе, говорит: «Ваше превосходительство, какая же мы пехота, мы без коня не можем; разрешите, я конной атакой захвачу мост и выбью красных с того берега. Нам это не впервые, я своих станичников знаю, мы в Галиции еще не то делали». Генерал О'Рем удивленно пожал плечами, посмотрел на окружающих с недоумением и, обратившись к доблестному командиру полка, сказал: «Если вы ручаетесь за успех, то валяйте».

Прошло еще несколько минут. Четыре сотни кизляро-

гребенцов, во взводной колонне, стали на широкой улице, скрываемые от взоров садами и домами. Генерал О'Рем подъехал к ним, сказав несколько бодрых слов. В это время поступило донесение, что красные начинают отводить свои части за мост и как будто хотят его поджечь, обливая какой-то жидкостью. Казаки с места срываются рысью. Ловко маневрируя по окраине деревни, они быстро и незаметно появляются на дороге, ведущей к мосту; выхватив шашки и с криками «ура», во взводной колонне, казаки бросаются на место, уже охваченное пламенем. Красные развивают бешеный огонь, наша конная артиллерия громит их окопы на противоположном берегу, но главная сотня уже влетает на мост, в клубы дыма и пламени; языки огня уже лижут бревна настила. Видно, как некоторые казаки борются со своими лошадьми, боящимися идти на горящие бревна, но их увлекают другие. Пластуны вскакивают и бросаются в общей массе вперемешку с конными на мосту, стрельба стихает. Проходит еще минуты две, и мы видим сотни кизляро-гребенцов уже разворачивающимися на том берегу и идущими в гору прямо на окопы красных. Сквозь клубы дыма при ярком солнце видны блестки казачьих шашек. Генерал О'Рем, ротмистр Феденко-Проценко и я с ординарцами идем рысью на мост. Какие-то пешие люди из ведер заливают огонь, 3—4 убитые лошади лежат на широком, кое-где еще горящем мосту.

На обочине дороги сидело несколько раненых казаков, в стороне стояло десятка два пленных, окруженных пластунами. Общий подъем был невероятный — все стремилось вперед; казаки, выбив и изрубив красных в окопах, рассеяли их в степи, гоняясь за отдельными пехотинцами. Второй позиции у красных не было, за спиной открытая степь верст на шесть-семь — победа полная. Этот бой, столь быстро и блестяще выигранный доблестными терскими казаками, кажется чем-то сказочным; не верится даже, что он имел место наяву, а не был лишь красивым видением, сошедшим с батальной картины прежних войн. Конная атака кизляро-гребенцов во взводной колонне через пылающий мост и жестокая их рубка — это была красота, не забываемая всю жизнь. Десятка три зарубленных красноармейцев лежало здесь же в неглубоких окопах на горе. Отдельные убитые и раненые большевики лежали по всему полю нашего следования, но их никто не подбирал: все спешили вперед. В это время через мост уже переправлялась подошедшая Чеченская конная дивизия. Не теряя времени, генерал О'Рем тут же направляет ее на рысях в направлении на село Караванное, следующий, лежащий верстах в 8-ми, опорный пункт красных.

2-й Чеченский конный полк идет в авангарде, 3-й и остатки 1-

го с 6-й терской батареей — в главных силах. Проходит около часа, колонна останавливается, в авангарде завязывается бой. 2-й Чеченский конный полк спешился и повел наступление, сковывая красных на фронте деревни; 3-й Чеченский конный полк, со своим доблестным командиром полковником Борисовым, обойдя деревню слева, неожиданно и скрытно развернулся в лаву и, атаковав красных в правый фланг, ворвался в деревню, рубя и расстреливая, прямо с коня, по чеченскому обычаю, бегущих в панике большевиков, причем был захвачен в плен раненым начальник красной пехотной дивизии, бывший кадровый капитан старой русской армии.

За истекший день потери в Чеченской конной дивизии были незначительны в сравнении с достигнутым успехом: 4 офицера и около 30 всадников ранено, и 6 чеченцев убито; красных же подобрано было у деревни Караванное 124 трупа, и около 200 было взято в плен. За этот день отряд прошел 32 версты, имея по дороге два крупных боя, не считая мелких стычек.

На ночь, оставив подошедшую бригаду кизляро-гребенцов в деревне Караванное, Чеченская конная дивизия с темнотой отошла в деревню Михайловку, где и простояла отдыхая весь день 11 июня. В ночь на 12 июня из разъездов стали поступать тревожные сведения о подходе крепких сил красных со стороны Волги. Установившаяся связь с Яшкульским отрядом, действовавшим значительно севернее нас на астраханском направлении, давала точные указания о готовящемся десанте красных в тылу у нас с целью перехвата единственной грунтовой дороги Кизляр — Астрахань, по которой шло все питание отряда и эвакуация раненых. Заставы пластунов сообщали о появлении в море против деревни Татарской легких плоскодонных катеров. В сумерки после короткого боя казаки были выбиты из деревни Караванное и под покровом темноты отошли в район деревни Михайловской..

С рассветом 12 июня начальник всей Астраханской группы генерал Драценко принял следующее решение: Казачьей бригаде с пластунами приказано было вновь овладеть деревней Караванное и продвигаться прямо на север по Астраханскому тракту с тем, чтобы вечером занять деревню Басы. Чеченской конной дивизии под начальством генерал Ревишина приказывалось выдвинуться в восточном направлении, примерно на 8—10 верст, и, заняв деревню Татарскую и прилегающий район, вести наблюдение за морским берегом, являясь таким образом обеспечением всего правого фланга и тыла наступающей казачьей колонны. Во исполнение этого приказа все полки вытянулись в походные колонны и стали расходиться в указанные

районы. Не доходя приблизительно двух верст до берега моря, Чеченская конная дивизия была жестоко обстреляна впервые появившейся у красных тяжелой морской артиллерией, производившей на чеченцев удручающее моральное впечатление. Одновременно с тем в воздухе зашумели два аэроплана, сбросивших несколько бомб, одной из которых в колонне были убиты сестра милосердия 2-го Чеченского конного полка, два чеченца и несколько лошадей. Дивизия остановилась и спешилась, выслав вперед цепи от 2-го Чеченского конного полка; продвинувшись, они захватили на берегу моря две баржи, груженные хлебом. Красная пехота быстро отошла и, погрузившись на другие баржи, была оттянута в море легкими буксирными судами. Каспийское море, вернее, волжская дельта, в этом месте изрезывает берега, образуя повсюду большие заливы и острова, почти сплошь поросшие камышом, причем глубина заливов настолько невелика, что ни одна из наших канонерок, не говоря уже о миноносцах с большей осадкой, не могла подойти к берегу нам на помощь. Красные же, вооружив свои плоты и плоскодонные суда тяжелой артиллерией, почти безнаказанно подходили к самому берегу, тогда как мы могли противоставить им лишь пулеметы и 4 легких конных орудия, для которых тяжелая артиллерия красных, установленная на плотах, была недосягаема. При таких условиях вся борьба наша сводилась к недопущению десанта противника.

14 июня утром от терских казаков стали поступать малоутешительные сведения. Взяв снова Караванное, они выдвинулись в направлении на Басы, но натолкнулись на сильно укрепленную позицию; атаковав последнюю, казаки были дважды отбиты, причем особенно большие потери понес Сунженско-Владикавказский казачий полк. Чеченская конная дивизия, спешившись, зарылась в пески. Красные, не жалея снарядов, беспрерывно вели обстрел по площадям и в течение дня дважды под прикрытием огня своей артиллерии, пытались подтянуть баржи и высадить десант. Попытки их, однако, каждый раз отбивались нашим огнем. Борьба становилась трудной, связь с полками, находившимися в цепи, могла поддерживаться исключительно пешими ординарцами. Огонь, в особенности артиллерийский, временами достигал невероятной силы; чеченцы все время оглядывались на коноводов и старались осадить назад. Раненые с обоих флангов (казачьего из-под деревни Басы и нашего) забили все перевязочные пункты в дер. Михайловке. К вечеру 14 июня для придания стойкости Чеченской конной дивизии (как раз вовремя) к нам прибыли пластуны и прямо с похода введены были в линию огня. Около 6-ти часов вечера

красные, сбив чеченцев, стали одновременно в двух местах высаживать свои части. Однако молодецкая штыковая атака пластунов восстановила положение, опрокинув красных в воду, причем взято было около 100 пленных; к сожалению, успех этот был куплен смертью лихого командира пластунов есаула Созонова.

С утра 16 июня огонь красных с моря достиг такого напряжения, что чеченцы не выдержали и стали отходить. Казаки, отбив несколько атак красных на подступах к деревне Басы, должны были в свою очередь отойти, бросив деревню Караванное; они отступали прямо на Михайловку, прикрывая спешную эвакуацию накопившихся раненых. На участке Чеченской конной дивизии в 6 часов утра красные снова высадили крупный десант, и чеченцы откатились к коноводам. Час спустя последовало распоряжение возможно скорее оторваться от наседающего противника и отходить прямо на деревню Яндыковку, прикрыв которую, составить арьергард всего отходящего отряда. Голодные и усталые чеченцы быстро сменили свой порыв на уныние; в полках началось дезертирство, по ночам уходили десятки, а то и более чеченцев, направляясь через степи прямо к себе домой. Не получая пополнения с Кавказа, чеченские полки таяли на глазах.

Вся надежда теперь была на подходящую к нам пехоту. Конница в хороших руках и при волевом начальнике может, конечно, творить чудеса в условиях полевой войны, но она бессильна перед сильно укрепленной позицией, да еще с проволочными заграждениями, каковая ждала нас на подступах к Астрахани.

К вечеру 16 июня весь наш отряд собрался в районе деревни Яндыковка; казаки встали частью в самой деревне, частью на соседних хуторах. На позиции в полуверсте перед деревней встала Чеченская конная дивизия. Большевики нас не беспокоили. Население, оказавшее нам недавно столь радушный прием, было в панике, угоняя скот и спасая остатки имущества, предвидя снова приход красных.

Поздно ночью меня разбудили и вызвали в штаб дивизии. Генерал Ревишин приказал мне, за недостатком офицеров, временно принять командование над сводным эскадроном из остатков 1-го Чеченского конного полка и с рассветом выступить в северо-восточном направлении с целью войти в соприкосновение с противником и по возможности узнать о его намерениях и силах.

В 4 часа утра 16 июня сводный эскадрон при двух младших офицерах был построен. Не теряя времени, мы еще в сумерках выступили. Моя задача была — пройти в направлении деревни

Татарской и, в случае необнаружения противника, выйти на Караванное, где, по сведениям разведки штаба дивизии, предполагалось сосредоточие главных сил красных. Первые 5—6 верст мы шли спокойно; понемногу начинало светать. Не доходя деревни Татарской, головной разъезд и цепочка остановились, боковой дозор что-то машет... и сразу начался частый огонь. Мои люди шарахнулись в сторону, пули просвистели над головой. Но минуту спустя эскадрон был снова построен и отведен за бугор. Я выслал в цепь два взвода, завязалась перестрелка, и красные стали отходить в камыши. Посадив своих людей, я продолжал путь. Не доходя Михайловки, которую я предполагал обойти, я совершенно отчетливо увидел лаву красной конницы человек в 40—50, идущей мне во фланг; расстояние между нами было немного более версты. Откровенно говоря, я не решался принять атаку, не будучи уверен в своих людях, а главное, боясь, что за этой лавой могут развернуться и более крупные силы красных. Я же был один и ни на какую помощь рассчитывать не мог. Я скомандовал: «Строй фронт влево!» и «Винтовки!», и по чеченскому обычаю мы открыли огонь прямо с коней. Красные спешно повернули и ушли. Усилив левые дозоры, мы шагом двинулись вперед. Прошло еще минут двадцать, мои дозоры подают знаки. Я остановил эскадрон и сам выехал вперед, спешившись, я влез на высокий бугор. Прямо передо мной, не более как в версте, на дороге остановилась для привала крупная колонна красных. Рассматривая в бинокль, я насчитал 2 орудия, около 3 рот пехоты, а сзади них — еще около 2—3 эскадрона конницы. Я немедленно послал обо всем донесение начальнику Чеченской конной дивизии и продолжал наблюдать. Красные стояли и не двигались; появились костры. Я спешил эскадрон и, незаметно подведя его к бугру, открыл частый огонь, жалея, что со мной не было пулемета. Большевики сразу зашевелились, две лошади без всадников вынеслись в поле; пехотная цепь выбежала бегом и залегла, открыв огонь, артиллерия же противника начала посылать снаряды куда-то далеко нам через головы, что подбадривало и веселило моих всадников.

Постреляв еще немного, я посадил людей и рысью, по глубокой ложбине, стал отходить; отойдя версты на 3—4 и выбрав удобную позицию, я снова спешил эскадрон и стал поджидать подхода красных. Прошло еще часа полтора, и я увидел несколько пар головных дозоров; подпустив их на 1000 шагов, мы открыли огонь; повернув лошадей, они полным ходом ускакали назад. Послав донесение, я продолжал наблюдать. Красные начали развертывать свои силы, их конница, делая какие-то построения, стала сзади за буграми. Мы открыли огонь,

красные тотчас же ответили. Приказав одному из взводов вести частый огонь, я под его прикрытием стал сажать эскадрон и широкой рысью, а в открытых местах и галопом, стал отходить на деревню Яндыковку. Часам к 11-ти утра, выполнив все задание, я присоединился к дивизии. Начальник дивизии благодарил меня и чеченцев за выполнение поручения и за своевременные донесения.

Дивизия была приведена в боевую готовность. Позиция Чеченской конной дивизии была подкреплена двумя полками кизляро-гребенцов и пластунами, почти в затылок которым стали две терские конные батареи. В полдень подошел авангард красных сил и завязал перестрелку. 1-й Кизляро-Гребенской полк, глубоко обойдя красных с левого фланга, пытался атаковать их в конном строю, но неудачно: нарвавшись на скрытую пулеметную батарею, полк отошел, понеся большие потери среди казаков, а главное — потеряв своего доблестного и храброго командира полка, к которому только накануне, проделав вдвоем с денщиком весь поход через степи, верхом прибыла молодая жена. В этот же вечер убитая горем женщина пустилась в обратный путь, увозя на этот раз на двуколке в родные края гроб с телом мужа.

Весь день до темноты шла перестрелка, в которую изредка вмешивалась и артиллерия. К ночи все утихло. Генерал Ревишин предполагал, что красные, подтянув главные силы, на рассвете перейдут в решительное наступление, но расчеты эти не оправдались, и весь день 17 июня, равно как и следующую ночь, мы простояли на прежних позициях, укрепив их местами неглубокими окопами. Временами огонь настолько усиливался, что атака красных казалась неизбежной и генерал Ревишин приказывал подстегивать резервы. Но потом столь же неожиданно все снова утихало.

Днем к нам подошел Александрийский Гусарский Ее Величества полк, в составе 6-ти эскадронов, сформированный сплошь из кумыков (горское племя, родственное чеченцам). Внешний вид полка производил хорошее впечатление; первая шеренга была с пиками. В полку было большое количество офицеров-александрийцев, во главе с полковником Глебовым. Странно было только думать, глядя на этих горцев-гусар, что они являются носителями имени столь прославленного полка[22].

Посередине деревни, несколько в стороне, среди зелени, в разбитой мельнице был устроен наблюдательный пункт дивизии, и по очереди все мы, младшие офицеры, с людьми команды связи следили с него за обеими позициями — нашей и красной, которые оттуда были видны как на ладони.

Устав изрядно от последних бессонных ночей, я, уже в

полной темноте, когда все кругом утихло, решил немного отдохнуть и, не раздеваясь, конечно, а как был, при оружии, лег на свежее сено, разложенное на полу,рядом с ротмистром Феденко-Проценко и порутчиком Тимротом и заснул крепким сном, забывая все вокруг себя.

18 июня на рассвете один из первых снарядов угодил в угол крыши нашего дома, сорвав часть крыши и обвалив стену, отчего дымовая труба с грохотом обрушилась к нам в комнату. Осыпаемые штукатуркой и битым стеклом, мы все трое выскочили на двор. На фронте шла редкая перестрелка; артиллерия изредка отвечала, ведя главным образом пристрелку по определенным пунктам. О сне больше не думали — закипела работа. Вскоре я был вызван начальником Чеченской конной дивизии, командующим всем арьергардом, на наш наблюдательный пункт с приказанием иметь наготове тут же всех своих людей, расположив их незаметно в садах. Огонь на фронте разгорался. Все наши 8 орудий, все время меняя цели, вели интенсивный огонь. Красная артиллерия не отставала, и в деревне во многих местах уже начинались пожары; количество раненых все увеличивалось, и их немедленно на подводах отправляли в глубокий тыл.

Я взобрался на вышку и простым глазом, не более как в полуверсте перед собой, мог наблюдать бой. Повсюду взлетали фонтаны земли, цепи лежали неподвижно; в мертвых пространствах позади, среди садов, укрыто стояли коноводы. Наш фронт представлялся в следующем виде: на правом фланге спешились полки кизляро-гребенцов, затем в неглубоких окопах поперек дороги две роты пластунов, к которым примыкали спешенные: 3-й Чеченский и остатки 1-го Чеченского конного полка; левее же и уступом немного вперед — 2-й Чеченский конный полк. Обе конные батареи встали на окраине деревни в затылок пластунам. В резерве всей группы у генерала Драценко оставалось всего 4 эскадрона Александрийского Ее Величества полка, но и они, по просьбе генерала Ревишина, были подтянуты в деревню и расположены укрыто среди громадных фруктовых садов.

Часов около 7-ми утра из-за бугров появились первые красные цепи. На красных обрушился с нашей стороны беглый огонь артиллерии и пулеметов; они залегли, а затем начали отходить, повсюду оставляя неподвижно лежащие тела. Через полчаса снова появились цепи, числом четыре или пять, одна в затылок другой, и быстрым шагом, почти бегом, повели наступление. Страшный ураганный огонь ударил им в лицо; цепи стали редеть, сбиваться в кучи, залегали, снова поднимались и

двигались вперед. Не доходя приблизительно шагов 600—800 до наших позиций, красные вдруг приостановились, и в это же время совершенно неожиданно вынеслись четыре эскадрона красной конницы, охватывая правый фланг кизляро-гребенцов. Минута создалась критическая... Казаки, сдерживая пехоту красных с фронта и видя себя обойденными с фланга, испугались за своих коноводов и бросились, не выдержав, к лошадям. Но красная конница их настигла, сбила в кучу и рубила несчастных, не давая им произвести посадку; спасался кто как мог.

Пластуны, видя себя брошенными справа, оставили окопы и врассыпную бросились в деревню, оголяя батареи. Перейдя на картечь, конно-артиллеристы доблестно отбивали красную атаку, постепенно снимаясь и карьером уносясь в деревню. Семь орудий из восьми было спасено, на последнем же была изрублена прислуга. Видя общую катастрофу, генерал Ревишин через меня отдает приказание александрийским гусарам на карьере немедленно атаковать красных в левый фланг. Вскочив в седло, я полным ходом понесся исполнять приказание. Гусары на широком галопе выскочили из-за домов в поле, пытаясь развернуться, но, видя перед собой и на фланге уже несущиеся лавы красных, не выдержали и повернули назад. Чеченские же полки, узнав о разгроме справа, самостоятельно снимаются, в беспорядке отходя.

Предвидя возможные случайности, я спешил своих людей и рассыпал их в цепь. Вся деревня была сплошь забита несущимися охваченными паникой всадниками. Часто по два человека сидели на одной лошади. Я сам видел, как в седле сидел казак, на крупе его лошади — пластун, а два других пеших, уцепившись для легкости бега руками за хвост его лошади, неслись общей кавалькадой вдоль улицы. Картина бегства была ужасная, раненые оставались лежать, подобрать их не было возможности, несчастных топтали лошадьми...

В это время начальник дивизии, внешне спокойный, сошел с вышки и приказал мне быстро собрать людей. Крикнув вестовым: «Подавай лошадей!», мы тотчас же тронулись на рысях. Красные, теперь уже никем не сдерживаемые, подходили к деревне. Вдоль улицы стал бить пулемет. Мы прижались к домам. Впереди получился затор — артиллеристы выпрягали убитую в запряжке лошадь. Обезумевшие люди, ища спасения, стали ломать заборы, чтобы вырваться в поле. Зажатые в общем потоке, мы вынули револьверы, ожидая каждую минуту появления на улице красной конницы. Но тут мои ординарцы и люди команды связи вмиг спешились и повалили забор, вытянув колья. В образовавшуюся брешь мы все — генерал Ревишин, полковник Мацнев, ротмистр

Феденко-Проценко и я с ординарцами — буквально вылетели в поле, сплошь покрытое несущимися всадниками всех полков.

Противник, заняв деревню Яндыковка, остановился и не преследовал нас; это позволило начальству быстро собрать людей, построить полки и какой-нибудь час спустя снова занять позицию версты на три за песчаными буграми, прикрывая подступы к деревне Промысловое, где к этому времени сосредоточились все обозы и раненые нашего отряда.

Тут подъехал чеченец, разыскивающий командира 2-го Чеченского конного полка полковника Флерина с донесением от командира его 3-го эскадрона штаб-ротмистра Дурилина (офицера Крымского конного Ее Величества полка). Эскадрон этот был выдвинут влево для обеспечения всего боевого участка и, очевидно, позабыт в общей панике. Донесение его гласило: «Слышу сильный бой вправо, по непроверенным сведениям, наши части отходят, против себя противника не обнаруживаю. Прошу точных распоряжений и указаний». Генерал Ревишин подзывает меня: «Вы сами понимаете положение Дурилина; сделайте все возможное — найдите его и прикажите ему от моего имени немедленно отходить. Не теряйте времени, идите один с проводником чеченцем, дабы себя не обнаружить; торопитесь, иначе его отрежут». Раздумывать не приходилось, приказание было ясно и категорично. Подняв лошадей с места в галоп, мы пошли по открытой степи, стараясь забрать возможно влево, дабы прикрыться небольшими песчаными дюнами от наблюдения красных и незаметно обойти только что брошенную нами деревню. В густой песчаной пыли невозможно было разобраться, где отходили еще отдельные группы своих и где были красные.

Узкая полувысохшая речка пересекала нам путь; придержав лошадей, мы вошли в воду, тут лошадь моя поскользнулась, попав в яму, и упала. Я принял холодный душ, но, выбравшись по скользкому дну на берег, с радостью увидел своего чеченца, держащего в поводу мою мокрую и отряхивающуюся лошадь. Вскочив в седло, мы полевым галопом продолжали наш путь, обсушиваемые встречным ветром. Попав на открытое место, я увидел в полуверсте какое-то скопление людей. В то же время сбоку кто-то обстрелял нас из пулемета. Я задержал лошадь и подозвал чеченца. «Это твои?» — спросил я его. Выпятив глаза, он удивленно смотрел на меня. «Моя ничего не знает, ты офицер, и моя идет за тобой», — отвечал он. На минуту я задумался и остановил лошадь: как быть, чтобы не влезть прямо в пасть большевикам? Обстановка менялась ежеминутно, все было в движении; возможно, что Дурилин давно уже отошел, — мелькнуло у меня в голове... Выхода я не находил. Однако

приказание должно было быть исполнено, нужно рисковать, — и я пошел прямо на видневшихся людей. Бог нас хранил — это оказались коноводы забытого всеми 3-го эскадрона. Я объяснил в двух словах Дурилину обстановку; он посадил своих людей, и мы на рысях, не теряя времени, двинулись на присоединение к своим.

Большевики, втянувшись в деревню, сильно сократили свой фронт. Пользуясь местными укрытиями, а главное, царящим еще беспорядком, мы незаметно, под самым носом у красных, обогнули с востока деревню, только что ими занятую, и час спустя присоединились к дивизии. Чеченская конная дивизия, как менее пострадавшая за истекший день, заняла позицию, прикрывая собою отход обозов и главных сил.

Лава красной конницы, появившаяся в полдень, была отогнана сильным и сосредоточенным огнем полков Чеченской конной дивизии, после чего полки по очереди стали отходить на деревню Промысловое, заняв снова усиленную пластунами позицию. 2-му Чеченскому конному полку приказано было, совершив глубокое обходное движение, ударить с северо-востока по деревне Яндыковка, утром нами очищенной, дабы вызвать у красных замешательство и ослабить их нажим, дав нам тем самым выиграть время для дальнейшего отхода. Выполняя в точности приказание, полковник Флерин со своим 2-м Чеченским конным полком, совершив сложное фланговое движение, в конном строю атаковал деревню Яндыковку. Увлекаемые офицерами (в большинстве Крымского конного Ее Величества полка), чеченцы ворвались в соседние хутора и даже частью в самую деревню, произведя страшный переполох у красных; но, никем не поддержанные, они вынуждены были в конце концов отойти, расстреливаемые в спину из пулеметов. Полк понес громадные потери: все офицеры, кроме двух, были ранены; трупы чеченских лошадей указывали на убийственный огонь, под который попал полк. К вечеру, потеряв более трети своего состава, но доблестно выполнив задание, полк присоединился к дивизии. Красные временно прекратили преследование, дав нам маленькую передышку и возможность всему отряду в спокойной обстановке отойти на деревню Оленчевка; но куплено это было дорогой ценой — разгромом единственного к этому времени уцелевшего почти в полном своем составе 2-го Чеченского конного полка.

Ночь на 19 июня и весь этот день мы, почти не тревожимые, простояли, укрепляясь на позиции впереди деревни Оленчевка, столь хорошо всем нам знакомой по конной атаке при начале наступления. Слухи о подходе пехоты оказались на этот раз

действительностью; одновременно пришло сообщение о взятии наконец армией генерала Врангеля «Красного Вердена» — города Царицына. Все воспряли духом и верою, что с подходом свежих сил наше наступление снова возобновится.

12 рот большого состава Ширванского Его Величества полка, подошедшие к нам морем, произвели на всех прекрасное впечатление: рослые, здоровые, прекрасно одетые в английское обмундирование, с нашитыми цветными погонами, с хорошо пригнанной амуницией и с оркестром музыки люди видом своим вызывали всеобщее восхищение. После революции мы такой пехоты еще не видели. Немного портило впечатление только сознание, что полк сформирован из пленных красноармейцев; но для стойкости при полку имелись две сплошь офицерские роты и пулеметная команда. Их бравый командир и офицеры были вполне уверены в преданности своих людей, прошедших длительную подготовку в тылу[23]. Почти одновременно с пехотой прибыли к нам в дивизию и два моих однополчанина — лейб-драгуны штаб-ротмистр Генрици 3-й и корнет Алехин, и оба были временно причислены к штабу дивизии.

20 и 21 июня весь отряд спокойно простоял на прежних позициях. Для противодействия возможному десанту к берегу моря были высланы сильный заслон и целая сеть разъездов.

22 июня около пяти часов вечера все части были подняты по тревоге и подтянуты резервы. Красные после короткой артиллерийской подготовки повели наступление, но вовремя брошенный в обход их правого фланга конный отряд из остатков 1-го и 2-го Кизляро-Гребенского полков, Александрийских гусар и 3-го Чеченского конного полка стремительной конной атакой опрокинул красную пехоту загнал ее в плавни. Ширванский пехотный полк, использовав замешательство у красных, перешел в короткое наступление, взяв у противника 12 пулеметов и около 50-ти пленных. С наступлением темноты все отошло в исходное положение. Наш отряд потерял 1 офицера и 8 пехотных солдат убитыми.

23 июня, на рассвете, красные снова пытались перейти в наступление, но попытка их была своевременно ликвидирована сосредоточенным огнем наших двух доблестных терских конных батарей. Эти неудачные попытки красных с полной ясностью обнаружили их маневр, состоявший в том, чтобы, сковав во что бы то ни стало наши части на фронте огневым боем, выиграть в то же время наш левый фланг, прижав весь отряд к морю. Для парирования намерений противника генерал Драценко выдвигает сильный уступ за нашим левым флангом, назначив туда 1-й и 2-й Кизляро-Гребенские полки и 2-й Чеченский конный полк.

24 июня проходит сравнительно спокойно; полки частично окапываются, ведя редкую перестрелку. На рассвете 25 июня ширванцы, поддержанные пластунами, перешли в наступление на центральном участке, по обе стороны дороги, и с места опрокинули красных, продвинувшись версты на две вперед. Уступ конных частей на левом фланге также продвинулся, подравнявшись на свою пехоту, но около 10-ти часов утра он был обойден с фланга и частью с тыла и атакован крупными силами красной конницы. Потеряв смертельно раненным командира Терской бригады полковника Соколова, уступ отошел, загнув сильно назад свой левый фланг. Ширванцы, попав в тяжелое положение, начали срывать погоны и сдаваться массами в плен, причем две роты, обезоружив своих офицеров, силой увели их с собою к противнику. Видя эту картину, офицерские роты Ширванского полка и пластуны открыли огонь по сдающимся, но одновременно с этим были и сами атакованы в штыки с обоих флангов своими же ширванцами и, понеся громадные потери от своих же предателей, вынуждены были спешно отойти. Все семь рот ширванцев, бывшие на передовом участке, перешли к большевикам. От всего полка осталось всего три роты, стоявшие в резерве, а также жалкие остатки двух офицерских рот. Все лазареты и перевязочные пункты сразу же наполнились несчастными офицерами-ширванцами.

Красная конница хлынула в образовавшуюся брешь, но положение спасли исключительно терские конные батареи, открывшие по противнику беглый огонь, временами переходя на картечь. И на этот раз красные были снова отброшены. С наступлением темноты весь отряд отошел на линию Терновское озеро — деревня Благодатное, но противник стал снова нажимать, и генерал Драценко приказал ночью же продолжать дальнейший отход, ибо появились сведения о возможности десанта противника у нас в тылу.

Проделав за ночь 45 верст, мы на рассвете 26 июня подошли к деревне Алабуджинской. В 9 часов утра, накормив лошадей и немного отдохнув, мы выступили снова. Из арьергарда приходили тревожные сведения о движении красной конницы за нами по пятам с целью прижать нас к морю и лишить единственной дороги в тылу.

Мы шли весь день 26 июня и только в сумерки, проделав переход в 54 версты, стали бивуаком у Белого озера, где и переночевали; но уже с восходом солнца 27 июня выступили в дальнейший путь. Около 2-х часов дня бригада терских казаков, шедшая в арьергарде, была атакована нагнавшей нас красной конницей. Казаки не растерялись: остановившись, они

перестроились и бросились во встречную атаку, дойдя до удара в шашки и захватив в плен около 30 красных кавалеристов. Опасаясь общего разгрома, начальник отряда генерал Драценко торопил с отходом, желая возможно скорее оторваться от наседавшего противника. Для ускорения движения остатки ширванцев и пластуны были посажены на обывательские подводы, и, проделав таким образом еще 60 верст, мы ночью 27 июня пришли в деревню Улус.

За эти дни беспрерывного отхода стало выясняться, что в Ширванском пехотном полку был заговор, имевший целью захват всего офицерского состава и переход к врагу, но осуществлению этого замысла помешали офицерские роты, открывшие огонь по изменникам. Во избежание возможных при нашем отходе неожиданностей начальник отряда приказал разоружить три оставшиеся роты Ширванского полка, сводную же офицерскую роту временно придать пластунам. Вся эта операция прошла безболезненно и с большой быстротой и легкостью. Несколько нас, офицеров, присутствовали при этом, восторгаясь находчивостью командира Ширванского полка. Три роты ширванцев, при полном боевом снаряжении, построены были на поляне. В затылок им стали казаки. Ширванцам было объявлено о назначении их якобы в отдел[24], для выполнения боевой задачи совместно с казаками. Пехотинцам было приказано составить ружья в козлы и выйти вперед для выслушивания разъяснений своего командира полка. Как только ружья были составлены в козлы и солдаты вышли вперед, казаки с обоих флангов выехали цепочкой и стали сплошной стеной между вышедшими вперед тремя ротами ширванцев и их ружьями. Тут же подъехали подводы, на которые и были нагружены винтовки. Все солдаты были обысканы; у них были отобраны ручные гранаты и патроны. Человек 30 были тут же по списку арестованы и отправлены куда-то под сильным конвоем. Остальные же солдаты, за исключением человек 50-ти добровольцев, переданных на пополнение пластунам, распределены были по обозам разных полков. Так 28 июня на походе у деревни Улус печально закончил свое существование в Добровольческой армии некогда славный и увенчанный подвигами 84-й пехотный Ширванский Его Величества полк.

Простояв тут всего каких-нибудь 3—4 часа, мы выступили снова, вытянувшись длинной, на несколько верст, колонной. Со всех сторон ползли слухи, что красная конница отрезает нам дорогу. Не задерживаясь и со всеми мерами охранения мы шли почти целый день и всю ночь на 29 июня, идя через деревни Берюзань и далее по пескам. К полудню 29 июня, перейдя дважды

для сокращения пути широким бродом по мелким морским заливам, мы вышли на полуостров у станицы Серебряковской, где и стали бивуаком прямо на песке.Часть же полков за неимением места отошла назад и расположилась в деревне Берюзань. Красные остались позади и нас больше не тревожили.

Полки постепенно стали приводить себя в порядок. Конский состав был в ужасном состоянии: масса лошадей оказалась набитыми, и требовалась общая перековка от беспрерывных походов. Вопрос о фураже был крайне сложен: кругом лежали солончаковые степи, привозить его приходилось издалека, снаряжая команды косить траву. Значительно легче обстоял вопрос с питанием людей — кругом были рыбные промыслы, икра и дивная волжская севрюга покупались на месте и бросались в солдатский котел. Полки Чеченской конной дивизии понесли большие потери во время Степного похода, но еще больше таяли при отступлении от все не прекращающегося дезертирства. Борьба с этим злом становилась невозможной: никакие наказания, вплоть до смертной казни, не могли удержать чеченца от соблазна бежать к себе домой под покровом ночи. После отступления полки были сведены в 1—2 эскадрона, и вся дивизия из 3 полков едва насчитывала в строю 250—300 шашек. Из почти сплошь русской команды моих ординарцев 8 человек бежало ночью вместе с лошадьми. При отступлении тяжелую драму переживали офицеры; по вечерам, стараясь забыться, мы ходили в соседние казачьи полки, где умели принимать со свойственным казакам радушием и чисто кавказским гостеприимством, и мы часами просиживали у костра за стаканом вина, слушая их дивных трубачей.

6 июля меня потребовал к себе в палатку начальник дивизии и приказал мне с командой присутствовать для поддержания порядка при выполнении смертного приговора над 6 чеченцами, осужденными военно-полевым судом за вооруженный грабеж и дезертирство. Отпуская меня, генерал Ревишин объявил: «Ваша задача — наблюдать за чеченцами 2-го полка, которые, по моему приказанию, будут при этом в назидание присутствовать. В случае малейшего противодействия — действуйте энергично; помните, что вы отвечаете за порядок».

Построив всю команду в пешем строю, при полной боевой амуниции, я повел ее к назначенному месту. Развернутым строем, без оружия, стояли остатки 2-го Чеченского конного полка. Впереди, окруженные конвоем офицерской роты Ширванского полка, стояли 60 осужденных. Шагах в 200, на всякий случай, встала пулеметная команда казачьего полка. Я встал развернутым фронтом под прямым углом к строю Чеченского конного полка.

Была подана команда «смирно». Вперед вышли пехотный полковник и еще какие-то два офицера и прочли перед фронтом постановление суда: 6 чеченцев за вооруженный грабеж и дезертирство приговаривались к смертной казни через расстрел, остальные 54 чеченца приговаривались к 25-ти ударам шомполами каждый. Чеченцы были разбиты на группы, раздеты, и сразу же началась порка. От первых же ударов стальных шомполов выступала кровь, а на 25-м ударе седалище обращалось в сплошной рваный окровавленный кусок мяса. Некоторых после порки приходилось отливать водой, чтобы привести в чувство.

Дошла очередь и до приведения в исполнение смертного приговора. Был вызван мулла, который объявил осужденным, что как дезертиры они будут расстреляны в спину. Мулла повернулся на восток и долго читал молитвы. Затем смертники попросили пить; им принесли воду. Взвод офицерской роты, стоя спиной к строю 2-го Чеченского полка, взял наизготовку. Осужденных отвели ровно на 20 шагов и, повернув спиной, выстроили в одну шеренгу. Это были все молодые всадники, в большинстве 19—20 лет; с них сняли черкески; они остались в бешметах и папахах. Я всматривался в их лица и в лица всадников — их однополчан 2-го Чеченского полка: меня поразило их равнодушие и какое-то у всех безучастие ко всему происходящему. Была подана команда — раздался залп. Все 6 чеченцев, как подкошенные, упали, большинство вперед лицами, а двое набок. Некоторые еще бились. Был дан второй залп, тела вздрогнули и замерли, но один еще двигал перебитой рукой. Вышедший из строя офицер пристрелил его в упор. Дивизионный врач д-р Яниус, перевертывая каждого казненного, поднимал веко и констатировал смерть. Тут же среди поля была вырыта могила, и все вместе были в ней зарыты.

Сцена смертной казни произвела на меня на этот раз тяжелое и сильное впечатление. Во время Степного похода мне неоднократно приходилось видеть расстрелы и порки, но все это делалось как-то примитивно, безо всякого церемониала, и поэтому не оставляло глубокого впечатления. На этот же раз сцена запомнилась надолго, и я все старался понять и объяснить себе то бесчувствие осужденных и присутствовавших чеченцев: было ли оно вызвано дикостью, непониманием происходившего, или же слепой покорностью судьбе? Сколько я тогда об этом ни думал, ответа я не находил.

Часа два спустя после этой неприятной командировки, во время завтрака, в дивизию прибыл вновь назначенный и столь долго ожидавшийся наш однополчанин лейб-драгун полковник И. М. Кучевский. Полк ему пришлось принимать чисто номинально:

1-й Чеченский конный полк почти весь разбежался после первого же боя под деревней Оленчевка. В настоящее время жалкими остатками полка командовал харьковский улан полковник Невзоров. Полковнику Кучевскому приходилось вновь воссоздавать полк, набрав всадников в Чечне. Роль полковника Кучевского была весьма трудная и деликатная. В полк начали съезжаться офицеры Харьковского уланского полка, в надежде, что его примет полковник Невзоров, но все эти расчеты были опрокинуты телеграммой Главнокомандующего Северным Кавказом генерала Эрдели, рекомендовавшего на эту должность — командира полка — лично ему хорошо известного по мирной и боевой службе полковника Кучевского.

На следующий же день все лейб-драгуны: ротмистр Феденко-Проценко, штаб-ротмистр Генрици 3-й, я и корнет Алехин подали рапорты с ходатайством о переводе нас всех на службу в 1-й Чеченский конный полк. Штаб-ротмистр Генрици 3-й был назначен командиром 2-го эскадрона, я — командиром 4-го эскадрона и корнет Алехин — ко мне в эскадрон младшим офицером. Ротмистр Феденко-Проценко временно задержался в штабе дивизии на должности начальника команды связи. Первый и третий эскадроны принимали: харьковские уланы ротмистр Жуковский и штаб-ротмистр Титов.

13 июля остатки дивизии походом перешли в деревню Черный Рынок на берегу Каспийского моря, проделав около 60 верст. 16 июля, проделав еще около 40 верст, дивизия прибыла в село Раздольное (Терской области), а 17 июля ночью прибыла в город Кизляр. Оттуда, погрузившись на поезд, остатки Чеченской конной дивизии перешли для нового формирования в Ставрополь. Вновь же назначенные командиры четырех эскадронов и ротмистр Феденко-Проценко получили предписание выехать в город Грозный, столицу Чечни, для набора всадников.

Заканчивая на этом свои очерки о Степном Астраханском походе, я ни в коем случае не претендую на полное и всестороннее освещение действий всех частей, в нем участвовавших. Мои записки охватывает лишь то, чему я сам был свидетелем, иначе говоря лишь то, что попадало в поле моего зрения.

В заключение мне хочется упомянуть о судьбе, насколько она стала мне известной, некоторых из его участников.

Генерал А. П. Ревишин, начальник Чеченской конной дивизии, почти год спустя, в Крыму, командуя дивизией, на разведке в тумане был окружен красными в деревне Основа и взят ими в плен.

Генерал О'Рем — командир бригады, находясь в штабе

дивизии и видя неминуемую гибель, успел выхватить револьвер и уложить нескольких красноармейцев, но был тут же схвачен и зарублен.

Полковник Мацнев — начальник штаба дивизии, будучи в отпуску в Батуме, в 1919 году, был убит на улице во время одного восстания.

Д-р Яниус — старший врач штаба дивизии — раненный в руку во время отхода из Крыма, в октябре 1920 года по настоянию жены своей отказался эвакуироваться и остался в России.

Штаб-ротмистр Буханов[25] — герой конной атаки у деревни Оленчевка, в прошлом — сын состоятельных родителей, дворянин, кадет Киевского кадетского корпуса, юнкер Николаевского кавалерийского училища, блестящий кавалерийский офицер, до конца гражданской войны честно сражался на фронте. Но с начала эвакуации он сошелся с крайними левыми кругами, затем стал сменовеховцем[26] и в дальнейшем открыто перешел в лагерь большевиков. Несколько лет спустя я неожиданно встретился с ним лицом к лицу в Париже. Мы оба друг друга узнали, но я с брезгливым чувством отвернулся и продолжал свой путь, ускорив шаги, и, перенесясь мысленно в далекие астраханские степи, невольно задавал себе вопрос: а где же теперь боевое оружие с высушенной на память «подлой большевистской кровью»?

Часть 2. Северная Чечня (аулы).

Ставрополь. 1919 год. Командование эскадроном

Тяжело громыхая, ночью, в полной темноте, поезд дотащил нас до Грозного — столицы Чечни. Взяв извозчика, мы приказали везти себя в гостиницу. Все попытки найти комнату оказались тщетными: все было занято и реквизировано. Мы в отчаянии подумывали уже возвращаться на вокзал и там в зале первого класса коротать остаток ночи, как вдруг нашего возницу осенила мысль, и, нахлестывая свою лошаденку, он снова повез нас через сонный город. Денщики наши с вьюками и седлами тарахтели следом за нами. Мы остановились у какого-то мрачного двухэтажного дома. Распахнулась дверь; до нас долетели звуки охрипшего граммофона. Любезная хозяйка с нескрываемой радостью выбежала нам навстречу, готовая, казалось, заключить нас в объятья… Нам предложили довольно посредственную комнату, но мы были и ей рады, предвкушая удовольствие выспаться и вымыться. Наши денщики сразу же вошли в свою роль: появилась горячая вода для мытья, самовар, стелились кровати. Хозяйка усиленно уговаривала нас поскорее вымыться и подняться к ней наверх, но, сославшись на усталость, мы уклонились от ее предложений. Мой денщик Гончаров смущенно сказал: «Господин ротмистр, да ведь мы попали не в гостиницу; это настоящее «заведение» — здесь только одни молодые барышни». — «Ну что же, мы все же останемся здесь, — улыбаясь, заявил ротмистр Феденко-Проценко, — не ночевать же нам на улице, а завтра, осмотревшись, перейдем». Вымывшись и напившись чаю, мы стали подумывать о сне. Вдруг страшный женский крик и шум возни раздались у самой нашей двери. Накинув бурку, я вышел в коридор: какой-то вольноопределяющийся чеченец неистово бил по лицу полуголую растрепанную женщину; она не оставалась в долгу, визжала и отбивалась. Прикрикнув на вольноопределяющегося, я приказал ему немедленно же убираться; он был, видимо, этим крайне обрадован и мгновенно скрылся, но женщина не унималась, продолжая требовать каких-то денег. Я совсем не хотел вникать в их счеты и разногласия и приказал своему денщику успокоить разбушевавшуюся женщину. Гончаров только этого и ждал; схватив половую тряпку и заткнув ею рот женщине, он сильным ударом колена выбросил ее через двери в сад. На крики прибежала и хозяйка, на этот раз сильно обиженная, упрекая нас в самоуправстве и подрыве ее «дела». Но несколько минут спустя инцидент был исчерпан, и мы, изрядно усталые, заснули под

звуки граммофона и нескончаемого смеха наверху.

Проснувшись рано утром, мы отправились в Управление Чечни за предписанием. Оказалось, что наше пребывание в Грозном, очевидно, задерживалось на день-два. Нам предстояло ехать в горные аулы, только недавно покоренные и приведенные в подчинение, для набора всадников; для нашей экспедиции требовался конвой стражников, которые в то время были все в разгоне и нам приходилось их ждать. Воспользовавшись вынужденным пребыванием в городе, мы решили приобрести черкески, как нам это советовали для успеха нашей миссии. До сих пор и во все время Степного похода мы ходили в форме лейб-драгун, считая себя прикомандированными; теперь же, перейдя в 1-й Чеченский конный полк и приняв эскадрон, нам приходилось надевать форму полка. Все дни нашего пребывания в Грозном мы, четверо однополчан, ежедневно собирались вечером на обед в лучшем в то время в городе ресторане «Сан-Ремо» и, слушая музыку, за стаканом вина вспоминали наш старый полк и делились впечатлениями дня.

Нам четверым предстояло набрать людей для двух эскадронов. По обоюдному соглашению мы разделились на две партии: одна — ротмистр Феденко-Проценко и я, другая — штаб-ротмистр Генрици III и корнет Алехин. Между собою мы поделили и аулы, в зависимости от числа выставляемых ими всадников. Стражники все не прибывали, а время шло: 26-го был назначен день для погрузки в эшелоны. Нужно было торопиться, и мы решили рискнуть поехать самостоятельно. Мы наняли подводу, вооружили наших денщиков винтовками и, оставив все свои вещи у знакомых, 20 июля, плотно и хорошо позавтракав, пустились в путь.

У нас было предписание правителя Чечни[27], с указанием, сколько какой аул выставляет всадников на основании договорных условий местного горского правительства с Главным командованием. Нам оставалось только принять количество вооруженных всадников и лошадей, с походной седловкой, удостоверяя их годность для строевой службы. В противном случае нам предоставлялось право их браковать и требовать замены. В помощь нам давались медицинский и ветеринарный фельдшера.

Первый ближайший аул был Новые Алды, в котором мы должны были принять 36 всадников. Прибыв в управление аулом, мы вызвали старшин и предъявили свое предписание. Громадная толпа пеших и конных чеченцев, вооруженных с ног до головы, злобно на нас посматривала. Старшины сразу же стали торговаться, прося уменьшить число выставляемых всадников. Но

мы отказались вступать с ними в спор и строго держались предписания. Проспорив более часа и видя, что мы непримиримы, «старики аула» стали собирать предполагаемых к мобилизации чеченцев. Расставив столы посреди площади и составляя попутно ведомость, мы приступили к приемке людей, вооружения, обмундирования, седловки и, наконец, лошадей. Все это приходилось делать весьма тщательно, непрерывно бракуя и требуя тут же замены. Сопровождалось это все невероятным спором и торгом. Тут пришлось столкнуться с многочисленными непредвиденными трудностями; многие чеченцы не говорили по-русски, и приходилось обращаться к переводчику. Документов почти ни у кого из них не было; имена же у всех были одни и те же: Ахметы, Магометы, Али и проч. Все это вызывало невероятную путаницу, и, как следствие — в будущем возможны были подмены и подделки. Тогда мы решили в ведомости указывать отличительные признаки каждого принимаемого чеченца и каждой лошади. Тут же на месте у нас выработался прием: твердо стоять на раз заявленном требовании и ни в каком случае не уступать, иначе всей нашей миссии грозил провал: малейшее послабление вызывало сейчас же дальнейшие просьбы. Чеченцы вообще народ дикий и малокультурный; единственное, что на них действует, — это сила и животный страх перед офицером, в котором они видят представителя власти и высшую расу. Всем им были еще памятны недавние жестокие с ними расправы генерала Ляхова[28] при подавлении восстания и приведения их в покорность. Многие аулы были сожжены и разбиты казаками и много крови было пролито здесь в горах, пока чеченцы не признали над собою власти Главнокомандующего[29].

Когда мы покончили с приемкой, нас пригласил к себе в гости старый, седой чеченец. Переступив порог его богатой сакли, мы сразу же попали в другой мир. Расстелив ковры на балконе и сняв сапоги-чувяки, хозяин долго молился, затем принесли самовар, и нас пригласили к столу; подали очень вкусную яичницу с острым сыром и шашлыки. За стол сел хозяин, пригласив нас, как гостей, сесть справа и слева от него. Никто из сыновей не смел садиться в присутствии отца: они, все вооруженные, встали вдоль стены. Еду подавали жены (их у нашего хозяина было четыре), с опущенными глазами и не смотря на окружающих, поставив блюдо, они сейчас же уходили. Дочери-девушки вообще не показывались на глаза. По восточному обычаю есть приходилось всем из одного блюда-тарелки, закусывая вкусным хлебом-лепешками. Одно блюдо сменялось другим, затем пошли сладости и варенье и началось обильное

чаепитие. Так просидели мы за столом часа два, а то и более; затем хозяин встал и снова начал молиться. Было уже поздно, мы сильно устали. Хозяин проводил нас в саклю, всю увешанную коврами, и указал на низкие диваны, предназначенные для сна.

Была чудная ночь; горный воздух был как-то особенно легок и чист. Несмотря на усталость, спать не хотелось; мы вышли на балкон и, усевшись на подушки, слушали интересный рассказ нашего хозяина о том, как его народ живет в своих аулах. Вся домашняя работа, хозяйство, работа в огородах и проч. лежит на женах, количество которых зависит исключительно от средств мужа. Мужья покупают жен за деньги или выменивают на лошадей, и тогда сделка проходит гладко и полюбовно, но бывают и случаи похищения в соседнем ауле намеченной в жены девушки, причем в таких экспедициях участвуют и ближайшие родственники, и тогда часто все дело кончается кровопролитием и убийством, переходящими в дальнейшем в кровную месть двух родов. Женщина — раба, не имеющая права ни сидеть за одним столом с мужчиной, ни покидать ограды своей сакли. Мужчины же, как правило, вообще ничего не делают и страшно ленивы. Назначение их — защита своего очага от всевозможных кровных мстителей. Грабеж как средство существования в их жизни совершенно узаконен, особенно если это касается ненавистных соседей их — терских казаков, с которыми чеченцы с незапамятных времен ведут войны. Все мужчины, и даже дети, всегда при оружии, без которого они не смеют покинуть свой дом. Грабят и убивают они преимущественно на дороге, устраивая засады; при этом часто, не поделив честно добычи, они становятся врагами на всю жизнь, мстя обидчику и всему его роду. Торговли они почти не ведут, разве что лошадьми. Край богат и при женском только труде кормит их с избытком. В политическом отношении чеченцы совершенные дети и ни в чем не разбираются. Они слепо преклоняются перед русским царем и в особенности — перед великим князем Михаилом Александровичем, бывшим начальником «Дикой дивизии», портрет которого висит буквально в каждой сакле[30]. Большевизм им непонятен, но чутьем они видят в нем врага, покушающегося на те льготы и права, которые были им дарованы царем. Керенского же они просто презирали и считали «жидом». Идеи Белого движения чеченцы объясняли себе с трудом и вообще относились с недоверием ко всему, что не было санкционировано законным монархом.

Поговорив вдоволь с нашим гостеприимным хозяином, мы улеглись спать; хозяин последовал за нами в комнату и, положив винтовку рядом на подушку, лег на полу поперек двери. Мы

пробовали протестовать, но он заявил, что это его право и долг, как хозяин он и весь его род отвечают за благополучие и безопасность гостей.

Проснувшись рано утром, я решил пойти выкупаться в реке Сунже, протекавшей здесь же под обрывом. Каково же было мое удивление, когда я, выйдя из ограды, увидел идущими за мною двух вооруженных сыновей хозяина. Я почувствовал какую-то неловкость и просил их не беспокоиться, но они запротестовали: «Твоя наш гость, и наша должна тебя охранять и ей-богу зла не делает».

Я стал раздеваться; они повернулись ко мне спиной, сели на корточки, зажав винтовки в руках, и в такой позе оба просидели, пока я купался и одевался, после чего снова проводили меня в саклю.

Поднявшись на гору, я остановился и долго любовался. Все было так красиво и необыкновенно: живописно разбросанный среди гор и утопающий в зелени аул имел какую-то особую прелесть, внизу между скал с шумом неслась быстрая Сунжа. Тут же, по узкой тропинке, под гору за водой шла нескончаемая вереница смуглых чеченок в пестрых платках, с высокими медными кувшинами на головах. Шли они медленно, бесшумно, опустив глаза. Все это было торжественно-красиво и так далеко от городской жизни и большевизма...

Напившись чаю и распростившись с нашим милым хозяином, мы, на этот раз уже с конвоем в 8 стражников, на тачанке выехали в следующий аул Алхан-Юрт. Проехав верст десять по красивой горной дороге и дважды пройдя вброд небольшие речки, мы попали в узкое среди скал ущелье; как вдруг из-за камней выскочило несколько вооруженных чеченцев-абреков, загородивших нам дорогу. Но, увидав офицерские погоны, а главное — стражников сзади на подводе, они расступились и пропустили нас, злобно оглядываясь. «Кажется, вовремя нас нагнали стражники, иначе нам бы несдобровать, — сказал ротмистр Феденко-Проценко. — Ведь это все абреки-разбойники, выходившие за добычей». На всякий случай денщики зарядили винтовки, а мы вынули из кобур револьверы.

Подъехав к аулу Алхан-Юрт, мы увидели груду развалин: аул был почти весь сожжен казаками. Мы направились к правлению. Заметив нас издали, нам навстречу с криком бросилась вооруженная толпа. Минута была довольно жуткая; мы немного растерялись; они, очевидно, приняли нас за казаков — своих злейших врагов. Но тут конвой выехал вперед, вышел переводчик и объяснил, кто мы. Нас окружили и долго недоверчиво рассматривали. Мы предъявили предписание о мобилизации 20

всадников-джигитов. Они наотрез отказались. Тогда ротмистр Феденко-Проценко объявил, что это требование Главнокомандующего и что если к 23 июля требуемые всадники не будут выставлены, то будут вызваны казаки. Почувствовав, что за нами сила, жители, поспорив, согласились и, желая, очевидно, сгладить первое впечатление, стали усиленно приглашать нас на какое-то торжество с тем, чтобы мы только остановились в ауле.

Отказавшись, мы уехали дальше и, проделав еще около 20 верст, въехали в чудный богатый аул Старый Артык. Здесь нас поджидал уже сход в полном составе. При содействии старшин и «почетных стариков» мы приняли на этот раз сравнительно быстро, согласно предписанию, 60 всадников. Конечно, все это не обошлось без торговли и просьб, но теперь у нас уже выработалась сноровка и все проходило довольно гладко.

По окончании приема всадников к нам подошел старый чеченец, знакомый по астраханскому походу, ординарец начальника дивизии, находившийся здесь в отпуску, и пригласил к себе. Отлично накормив, он отвел нам богато устланную и увешанную коврами комнату. «Старики аула» беспрерывно приходили, прося о разных поблажках и отсрочках. Видя наше упорство, но желая все же добиться своего, они стали предлагать нам подарки, ценные кинжалы, бурки, седла, но мы отклонили все эти подношения, настаивая на своем.

На следующий день мы были приглашены в гости к одному старику чеченцу. В назначенный час к воротам сакли нашей собралось человек 5—6 вооруженных чеченцев: это был конвой, присланный, чтобы нас сопровождать. Нас широко угостили, было выставлено много кукурузной водки, подавали отлично и своеобразно приготовленных цыплят, плов с кишмишем, шашлык, зелень и еще какие-то очень вкусные блюда. Все родственники хозяина, как это у них положено, пока мы обедали, стояли у стены и созерцали нашу еду.

Часов около 11 вечера хозяин пригласил нас пойти с ним к соседу на свадьбу. В саду на коврах сидели гости, освещенные несколькими факелами. В стороне помещалась невеста, на этот раз купленная, среди своих сверстниц-девушек. На противоположной стороне жених и его друзья танцевали лезгинку с кинжалами во рту. Все танцы сопровождались оглушительной стрельбой в воздух, выражавшей веселье и восторг гостей. Временами начинался общий танец под звуки зурны или гармоники. По обычаю чеченцев, кавалеры танцевали в двух-трех шагах от своей дамы, не смея до нее дотронуться, но стараясь непременно при каждом повороте выстрелить в воздух из револьвера, отчего пальба шла беспрерывно. Неожиданно ко мне

приблизился чеченец и, разрядив у самого моего уха свой автоматический пистолет, сказал мне, протягивая руку: «Мой сын будет служить у тебя в эскадроне, твой ей-богу мне нравится». Стрельба у самого уха — это наивысшее выражение симпатии, но от этого начинало уже шуметь в голове.

Среди гостей я заметил одного чеченца, за которым по пятам ходили три других с оружием в руках. Я спросил объяснений у хозяина, оказалось, что это «кровник»: четыре года тому назад во время ссоры он зарезал кинжалом другого чеченца, и теперь весь род последнего мстит ему. В итоге один род должен вырезать другой, и потому-то честь семьи заставляет охранять его.

По знаку хозяина вдруг все смолкло; нам принесли угощение и снова ту же ужасную мутную водку. Жених и невеста ушли в саклю, куда за ними последовали два «почетных старика аула». Прошло немного времени, и «старики» вынесли и предъявили гостям кусок материи с пятнами крови... Ответом на это была бешеная стрельба в воздух и дикие танцы с кинжалами и бросанием вверх оружия. Молодая была принята в семью. В противном случае деньги возвращаются назад и, как нам говорили, по неписаному закону несчастную женщину забивают насмерть. Уже поздно ночью мы возвращались домой, провожаемые всем аулом с факелами и стрельбой.

На следующий день мы приняли еще в соседних трех аулах 48 всадников. Миссия наша приходила к концу. Накануне погрузки нас посетил полковник Невзоров, помощник командира полка, и произвел осмотр принятых нами джигитов. Вид людей был хороший и молодой, конский же состав был прекрасный.

Побывать во всех саклях, куда нас приглашали, мы, конечно, не могли, они же считали за особую честь принять у себя офицера, да еще своего будущего начальника. Под разными предлогами мы все эти приглашения отклоняли, побывав только у влиятельных «стариков» и у муллы; все это отнимало время и мешало делам, а их была масса: нужно было торопиться с отчетами, ведомостями и расчетами для погрузки, а также озаботиться фуражом. Не имея с собой писарей, мы оба часами сидели над листами бумаги, вычерчивая и подсчитывая.

Рано утром 25 июля на сборный пункт начали прибывать мобилизованные всадники. Снова проверка, снова браковка, и только часам к десяти утра мы смогли выступить походом в Грозный для погрузки в эшелоны. По дороге нас настиг красавец всадник в погонах подпрапорщика, с колодкой георгиевских крестов, и просил о зачислении его в эскадрон. Он был так красив и эффектен на своей золотисто-рыжей кровной кобыле, что мы им невольно залюбовались. Из предъявленных им документов

явствовало, что это был старый всадник, службы 1911 года, окончивший учебную команду в Дагестанском конном полку[31]. Он был сразу же назначен вахмистром эскадрона. Это была действительно находка для меня, вызывавшая в дальнейшем зависть у всех командиров эскадронов. Знание строевой службы, авторитет и личная храбрость сделали его моим незаменимым помощником и советником во все время моего командования 4-м эскадроном.

Часам к 4-м дня, в колонне по три, мы вступили в город. На главной площади набранных всадников встретил начальник дивизии генерал Ревишин; пропустив колонну, он подозвал ротмистра Феденко-Проценко и меня и, благодаря за быстро выполненное поручение, сказал: «Слава Богу, вы набрали молодцов, и по внешнему виду они так не похожи на тех, что были с нами в степях, а конского состава лучше и желать нельзя».

Придя на вокзал, мы с места же приступили к погрузке в поджидавший нас поданный к платформе состав. Погрузка шла чрезвычайно медленно: полудикие, горячие лошади не хотели входить по сходням в вагоны, неопытные в посадке чеченцы суетились, кричали, создавая путаницу и калеча лошадей. Чуть ли не каждой лошади приходилось завязывать глаза и грузить поочередно. Когда, наконец, часам к семи вечера, все было закончено, нам сообщили, что приказано построить в пешем строю всех людей на платформе, куда вскоре прибыл правитель Чечни генерал Алиев в сопровождении начальника дивизии. Обойдя людей и поздоровавшись с ними, генерал Алиев обратился к джигитам с напутственным словом на чеченском языке. Генерал Ревишин представил ротмистра Феденко-Проценко и меня генералу Алиеву, который в очень лестных словах благодарил нас за блестящий вид чеченцев, добавив, что от лейб-драгун он другого и не мог ожидать.

С наступлением темноты, под страшную пальбу в воздух изо всех вагонов, мы покинули Грозный. Эшелон наш двигался невероятно медленно, повсюду останавливаясь и пропуская поезда, и только на вторые сутки ночью мы прибыли в Ставрополь, где и были отведены на запасные пути. Но еще в сумерках, по просьбе коменданта станции, мы приступили к выгрузке лошадей. Часам к семи утра, построив людей, мы двинулись через весь город в отведенные нам на противоположной стороне артиллерийские казармы. Вид чеченцев и дикие их песни взбудоражили мирных обывателей города.

Прибыв в Ставрополь, ротмистр Феденко-Проценко в тот же день был отозван в штаб Чеченской конной дивизии для

исполнения своей прежней должности, но спустя несколько дней он по собственному желанию, подав рапорт, покинул Чеченскую дивизию, перейдя в штаб 5-го Конного корпуса. В день прибытия в Ставрополь, приказом по 1-му Чеченскому конному полку, я был «допущен» к командованию 4-м эскадроном, а недели две спустя утвержден в занимаемой должности.

Все 154 всадника, приведенные нами из аулов, целиком пошли на формирование моего эскадрона. Младшими офицерами ко мне назначены были: поручик Янковский (7-го Драгунского Кинбурнского полка), корнет Алехин (лейб-драгун) и корнет Лечи (офицер-чеченец). Работы была масса, время же нашего пребывания в Ставрополе до выхода на фронт определялось месяцем-полуторами, причем добавлялось: «в зависимости от обстоятельств»... а неопределенность заставляла торопиться, дабы быть постоянно готовыми к немедленному выступлению. Сообразуясь с этим, я с места же стал требовать от офицеров эскадрона и всадников максимума напряжения. Мною было составлено и одобрено командиром полка расписание занятий, и работа в эскадроне закипела.

С первого же дня я произвел разбивку людей по взводам, распределив поровну унтер-офицеров и старых всадников Дикой дивизии. Все четверо моих взводных были георгиевские кавалеры Великой войны. Конский состав был прекрасный, в массе своей гнедой и рыжий с различными отмастками. Помещение эскадрона было весьма удачное: каменные казармы артиллерийской бригады и просторные светлые конюшни; рядом находился и большой мощеный казарменный двор, где в часы уборки разбивалась общая на весь эскадрон коновязь.

С 6-ти часов утра в эскадроне начиналась жизнь: уборка, на которой обязательно присутствовал один из младших офицеров, а иной раз и я сам, затем шло чаепитие, после чего взводы расходились на пеший строй, стрелковое учение, стрельбу, и так одно занятие сменяло другое до самого обеда, после чего давался двухчасовой отдых и начинались конные занятия: рубка, прыжки через небольшие препятствия, взводное учение — заезды, перестроения, вытягивание колонн, движение разъездов и цепочек по пересеченной местности и проч. На конных учениях я присутствовал всегда лично, подъезжая то к одному, то к другому взводу; когда же взводы уже начали сколачиваться, то занятия кончались всегда коротким эскадронным учением и решением какой-нибудь несложной тактической задачи, причем, памятуя слабые стороны чеченцев в Степном походе, я непременно требовал спешивания и выделения коноводов и работы в пешем строю. Работа эта меня увлекала, и я, и мои младшие офицеры

отдавались ей с большим энтузиазмом. Командир полка, полковник Кучевский почти ежедневно посещал эскадрон в часы занятий, и я в лице его неизменно находил полную поддержку своим требованиям.

Помимо чисто строевых занятий, на мне лежало немало и хозяйственных дел: приходилось все создавать самому и за всем наблюдать. Одна из первых забот была — придать эскадрону наиболее однообразный вид; для этого, закупив желтое сукно и наняв в городе портных, я засадил их шить для чеченцев однообразные желтые погоны и башлыки. Кроме того, несколько сапожников целыми днями пригоняли однообразно седельные вьюки и снаряжение. В первые дни по вечерам, после уборки, взводы по очереди придавали туалет лошади, подщипывали хвосты, гривки, подстригали щетки на ногах и проч.

Постепенно эскадроны начинали принимать однообразный воинский вид. Чеченцы молодецки отдавали честь, дежурные и дневальные были на местах, и при входе в эскадрон или на конюшни неслась команда «смирно» — и дежурные подходили с рапортом. Увольнение в город производилось исключительно с разрешения вахмистра.

Вечером после занятий я обыкновенно шел обедать в Собрание или в городской сад, где встречались все офицеры разбросанного по всему городу полка и слушали каких-то местных скрипачей. Тут мы обменивались впечатлениями по общей работе по созданию нашего полка. По дороге домой я часто заходил к командиру полка, как к своему старшему товарищу лейб-драгуну, и, сидя у него за самоваром, в уютной обстановке, мы обсуждали текущие полковые дела и с надеждой глядели на будущее. Все, казалось, складывалось в нашу пользу: телеграф ежедневно приносил радостные известия, наша Армия победоносно продвигалась вперед, громя красных на всех фронтах...

Ночью на 16 августа меня разбудил вестовой из штаба полка, с приказанием на следующий день в 11 часов утра представить эскадрон в конном строю для смотра начальника дивизии, в присутствии Американской военной миссии. В неофициальной записке полковой адъютант штабс-ротмистр Обрехт (1-го уланского Петроградского полка) пояснял требования, которые ставились для смотра. Дело сводилось к эффектному, на широких аллюрах, эскадронному учению и двум конным атакам в сомкнутом и разомкнутом (лавою) строю — все это для производства известного впечатления на американцев. Первый смотр, да еще в присутствии строгого и придирчивого начальника дивизии, заставил меня забыть о сне. Я вызвал вахмистра и,

посоветовавшись с ним о всех деталях, приказал поднять эскадрон часом раньше, дабы успеть произвести репетицию согласно составленной мной программе.

Рано утром эскадрон был построен, с младшими офицерами на местах. Я вывел эскадрон в поле — все шло гладко; я выкинул из программы некоторые сложные построения, боясь, как бы не напутать. Все ломки фронта я решил производить спиной к начальству (старый армейский прием), дабы скрашивать все могущие быть недочеты; я произвел несколько примерных атак, и мне казалось, что эскадрон меня не подведет. Придя назад в казармы, я велел произвести уборку лошадям, примочить гривки, разобрать хвосты. Всех всадников и амуницию самым тщательным образом осматривали вахмистр и младшие офицеры, кому подтягивая пояса, кому плечевые ремни...

Ровно в 10 часов утра эскадрон был построен; все блестело и имело веселый вид; начищенные крупы лошадей лоснились на солнце, новый зеленый эскадронный значок развевался на правом фланге. Ярким пятном били в глаза желтые башлыки за спинами всадников. Я гордился эскадроном, в который вложил столько души и работы. Пересекая город по пути на военное поле к вокзалу, эскадрон вызывал общее восхищение у высыпавшей на улицу в воскресный день толпы.

Около городского сада эскадрон нагнал полковник Кучевский на своем вороном кабардинце; поздоровавшись с людьми, он пропустил мимо себя всю колонну. Командир полка остался доволен молодецким внешним видом чеченцев. Обогнув вокзал, мы выровнялись и встали в поле, поджидая начальство.

Прошло минут десять; прибыл адъютант штаба дивизии с приказанием генерала Ревишина, чтобы во время атаки чеченцы производили возможно больше шума и неслись бы с гиканьем, дабы удивить американцев... Командир полка раздраженно спросил: «Что вообще хотят — смотр или маскарад? — и добавил: — Все будет делаться согласно уставу». Адъютант штаба сконфуженно отъехал в сторону. Издали показались два несущихся автомобиля. Я скомандовал: «Шашки вон!» Автомобиль остановился у склона небольшой горки, где поджидали уже ординарцы с флажком начальника дивизии и откуда предполагалось смотреть эскадрон. Полковник Кучевский галопом подъехал к начальнику дивизии. Генерал Ревишин, с американским генералом и пятью-шестью офицерами свиты, в сопровождении командира полка, направились к эскадрону. Подав команду: «Господа офицеры» и взяв шашку «под высь», я на широком галопе выехал вперед и, осадив лошадь круто перед начальником дивизии, отрапортовал, после чего, сделав заезд,

встал в затылок своему командиру полка. Чеченцы дружно и бодро ответили на приветствие генерала Ревишина. Американцы улыбались, всматриваясь в дикие лица всадников.

После обхода фронта все начальство удалилось на горку. Командир полка стал верхом шагах в 50-ти от начальника дивизии. Я отъехал к эскадрону. Полковник Кучевский шашкой подавал знаки немого учения; я их принимал и голосом передавал эскадрону. Два американских кинооператора с треногами расположились здесь же, беря эскадрон в объектив. Эскадрон носился полевым галопом, ломался, строил снова фронт, заезжал флангами, размыкаясь в лаву, собираясь по звеньям — все шло гладко, почти без ошибок. Понятно, это был не «балет», который на полковом или эскадронном ученье могли бы показать старые, хорошо съезженные эскадроны лейб-драгун, но в условиях спешной подготовки и имея в строю туземцев все было более чем удовлетворительно.

Начальник дивизии, наблюдавший за учением с горки, вдруг стал махать над головой сложенной нагайкой, делая ею какие-то знаки. Полковник Кучевский, не обращая на них внимания, продолжал учение. Взбешенный, что его сигналы не принимаются, генерал Ревишин обратился в резкой форме к командиру полка, на что последний столь же резко и ясно ответил, что по своей долгой службе в кавалерии ему хорошо известны знаки немого учения, подаваемые оружием, обозначения же маханием в воздухе хлыстиком или нагайкой он не знает, — и, отъехав, продолжал смотр. Эскадрон, отойдя на большое расстояние и построив развернутый строй, по знаку шашкой командира полка пошел на полном карьере в атаку, чуть не сбив по дороге одного кинооператора, и также по знаку резко остановился у самой горки, перед начальством. Когда рассеялась пыль, эскадрон уже стоял, выровнявшись, перед начальником дивизии.

Американцы были в восторге и, тряся руку командира полка, выражали свое восхищение. Начальник дивизии уже сменил гнев на милость и благодарил командира полка и меня за отличный смотр. Желая загладить недоразумение, генерал Ревишин тут же пригласил командира полка и меня обедать в городском саду. Полковник Кучевский, сославшись на служебные дела, отказался; я последовал его примеру... Весело и с песенниками во главе эскадрона мы двинулись домой в казармы.

На улице меня встретил поручик Тимрот с телеграммой о взятии Одессы[32].

Я тут же отпросился у командира полка в давно уже обещанный мне отпуск и вечером же, сдав временно эскадрон

поручику Янковскому, выехал через Новороссийск морем в Одессу. Через три дня я был уже в кругу своих, где меня ждала великая радость после шестимесячной разлуки застать всех живыми и здоровыми и впервые увидеть своего новорожденного сына.

Для пояснения столь удачно сошедшего смотра мне приходится допустить маленькую нескромность и признаться, что 4-й эскадрон в 1-м Чеченском полку считался одним из лучших как по обучению, так и по внешнему виду людей, отчего выбор командира полка, естественно, и пал на него. Все это я, конечно, не смею приписывать только себе, а должен разделить заслугу со своими ближайшими помощниками — младшими офицерами эскадрона и моим прекрасным вахмистром, подпрапорщиком Джемолдаевым. Все они вкладывали в работу всю свою энергию, любовь и знание дела. Наиболее близким и ценным помощником был мой заместитель поручик Янковский (кинбурнский драгун), на характеристике которого я позволю себе немного остановиться. В начале Великой войны поручик Янковский был вольноопределяющимся в 7-м драгунском Кинбурнском полку, окончил полковую учебную команду, приобретя там немало практических сведений, затем Николаевское кавалерийское училище и вышел офицером в свой родной полк. В его лице я имел прекрасного, строгого, умеющего заниматься с людьми офицера, горячо любящего свое кавалерийское дело. Более года спустя, уже в Крыму, ночью во время сна, в одном белье, раненый, он был захвачен в плен прорвавшейся красной конницей. Ему удалось скрыть свое офицерское звание и этим спасти себе жизнь; три месяца спустя, в темноте, переплыв Днепр, ему удалось бежать от красных и добраться до своих... Это был во всех отношениях достойнейший боевой офицер.

Вообще же офицерский состав Чеченского полка, главное ядро которого составляли харьковские уланы и отчасти лейб-драгуны, представлял собою дружную полковую семью, воспитанную в лучших традициях нашей конницы. Поначалу небольшие трения и холодок чувствовались лишь между командиром полка и старшим штаб-офицером, но здесь имела место личная обида полковника Невзорова (харьковского улана) на то, что полк, вопреки желанию харьковских улан, получил не он, а, по приказу генерала Эрдели, лейб-драгун полковник Кучевский. Но общая работа по созданию полка скоро сгладила все эти шероховатости, а впоследствии, при более тесной походной и боевой жизни, все смогли по достоинству оценить, а многие и полюбить, строгого к себе и к другим по службе, но справедливого и всегда спокойного в бою полковника Кучевского.

Эскадроны, как я уже упоминал, были поровну распределены в полку и по дивизионам между лейб-драгунами (2-й и 4-й) и харьковскими уланами (1-й и 3-й). Едва заметное соревнование между эскадронами, конечно, существовало, но оно шло лишь на пользу службы и вызывалось исключительно самолюбием командиров эскадронов за полки, ими представляемые. Многие месяцы среди самой различной обстановки пришлось мне служить и воевать среди харьковских улан, и навсегда я сохранил наилучшее воспоминание о представителях этого славного старинного полка.

На этом заканчиваются мои ежедневные записи. О дальнейшем у меня сохранились только отдельные письменные воспоминания о наиболее крупных событиях из нашей походной жизни, которые я и пытаюсь ниже восстановить, располагая их в хронологическом порядке.

Через две недели пребывания моего в отпуску я получил срочную телеграмму от полкового адъютанта с приказанием командира полка немедленно прибыть в полк ввиду переброски дивизии на фронт в харьковском направлении. День-два спустя я уже отплывал на пароходе от берегов Одессы и через Новороссийск — Ростов — Харьков спешил нагнать полк. В Одессе захватил я с собой в эскадрон двух вольноопределяющихся — сына профессора Орлова и Молова, о чем в дальнейшем немало сожалел: во всех отношениях оба они были весьма отрицательные типы, смотревшие на пребывание на фронте исключительно с точки зрения личного обогащения.

Полк я нагнал лишь 18 сентября в Чугуеве (Харьковской губернии), где он стоял уже несколько дней, охраняя город от налета большевистских банд Перцова[33]. Полк был расквартирован по отдельным дворам на окраине города, неся гарнизонную службу и высылая целую сеть разъездов и разведывательных эскадронов для освещения местности. Со свободными от наряда людьми велись усиленные занятия.

Дня за два до моего приезда 4-й эскадрон получил первое боевое крещение, в составе полка участвуя в ночном бою, где в пешем строю, при зареве пожара, выбивал засевших красных из здания сахарного завода. Поведением чеченцев в бою и их исполнительностью поручик Янковский остался вполне доволен.

Красные банды «товарища» Перцова вербовались по преимуществу из местных жителей, огнем и разбоем они наводили ужас на весь округ и ближайшие города. Никакому учету эти банды не поддавались и в открытый бой вступать избегали, хотя и имели в своем распоряжении несколько легких

пушек и сотни пулеметов. Террор с их стороны принимал невероятные размеры; бессмысленные убийства, крушения воинских поездов, взрывы водокачек, разборы железнодорожных путей — все это было делом их рук. Распропагандированное население скрытно им сочувствовало и их покрывало. При появлении крупных воинских частей всё разбегалось по домам и принимало мирный вид. Борьба с восстанием, вспыхнувшим в тылу наступающей Армии, была крайне суровой; пленных ни одна из сторон не брала, и жестокость доходила до предела.

Несколько дней спустя по моем приезде в очередную карательную экспедицию было назначено три эскадрона от полка, под общим начальством полковника Невзорова. Деревня Зарожное, в которую предполагалось идти моему эскадрону, находилась верстах в 16—18-ти от города Чугуева. Дня за два до того в деревне этой произошел весьма прискорбный случай, столь характерный для тех жестоких времен. Находившийся в деревне, примыкавшей к полотну железной дороги, постоянный полицейский пост, состоящий из семи стражников, при весьма малокультурном пехотном подпоручике — местном жителе, был ночью почти сплошь вырезан крестьянами, причем варвары не пощадили жену и малолетнюю дочь офицера и, надругавшись, убили их. По счастливой случайности сам начальник поста и один из его подчиненных смогли спастись под покровом ночи. Что же творилось теперь в этой громадной деревне — не было известно. Мне приказывалось занять с эскадроном деревню, произвести аресты согласно данному мне списку и примерно наказать виновных. В роли проводника и информатора мне давался этот несчастный пострадавший начальник стражи.

Рано утром 24 сентября я выступил с эскадроном. Был ясный осенний день. Эскадрон вытянулся длинною колонной по три. Мой бедный пехотный подпоручик испытывал невероятные мучения от верховой езды; хотя я и приказал дать ему спокойную лошадь, но он и с ней никак не мог справиться, особенно, когда мы переходили в рысь, и своим страдальческим видом сильно веселил чеченцев. Отойдя верст на пять от города и попав в пересеченную местность, я выслал головной разъезд и боковые дозоры. Сначала кругом все было тихо, как вдруг из небольшого перелеска, в полуверсте от дороги, головной разъезд был обстрелян ружейным огнем. Разъезд шарахнулся в сторону. Видя замешательство, я остановил эскадрон и выслал 1-й взвод с поручиком Янковским лавою вперед, приказав обыскивать лесок, откуда еще раздавались ружейные выстрелы. Минут десять спустя взвод присоединился к эскадрону, никого не обнаружив, и мы снова двинулись в путь. Одна лошадь в головном разъезде

оказалась раненной в шею навылет.

Скоро дорога привела нас в густой казенный лес. Углубившись в него, мы наткнулись на человек 10—12 крестьян, занятых рубкой леса. Полицейский умолял меня арестовать всю эту компанию и разрешить ему составить протокол за порубку казенного леса. Не желая терять времени, я отклонил его предложение, ибо, откровенно говоря, не считал в то время порубку леса столь большим преступлением, когда кругом по всей России шел сплошной грабеж. Припугнув мужиков, что в следующий раз они за это жестоко поплатятся, я отпустил их всех с Богом.

Не доходя версты две до деревни, которую мы должны были занять, мы увидели, как навстречу нам, нахлестывая лошаденку, несется подвода. Когда она поравнялась с головой эскадрона, я приказал ей остановиться. В ней сидели две бабы и здоровый рыжебородый мужик; поверх его длинной рубахи была нацеплена георгиевская медаль. На мой вопрос «Куда едешь?» мужик вскочил, снял шапку и заявил: на призыв в город к воинскому начальнику. Лицо мужика было редко неприятное, и ответы явно рассчитаны на эффект. Полицейский подпоручик, увидя его, побледнел, соскочил с лошади и бросился на него с криком: «Держите его, вот один из убийц! Все он врет о воинском начальнике, он хочет теперь себя спасти!» Я въехал лошадью между полицейским и мужиком с целью их разнять. Полицейский не унимался и нервно кричал: «Сейчас же его расстрелять!» Желая прекратить эту неприятную сцену и видя, что мой подпоручик перестал владеть собою, я прикрикнул на него, напомнив, что не я ему, а он мне здесь подчинен, и приказал ему успокоиться и занять свое место. Мужику же я сказал: «Приказ о призыве был две недели тому назад обнародован, и теперь ехать к воинскому начальнику поздно», приказав ему поворачивать оглобли и встать в хвост эскадрона, поручив вахмистру наблюдать за ним.

Выслав офицерский головной разъезд и боковое наблюдение, я с эскадроном вошел в село по главной дороге. На площади меня встретили заискивающий староста и толпа человек в пятьдесят крестьян. Построив эскадрон развернутым фронтом вдоль забора, я велел бить в набат. Прошло минут 10—15, и вся громадная площадь заполнилась народом. Я с несколькими ординарцами въехал верхом в этот человеческий муравейник. Все стихло. В нескольких словах я напомнил о прискорбном происшествии этих дней и потребовал немедленную сдачу всего оружия и выдачу виновных. Толпа безмолвствовала. Какой-то парень, явно полугородского типа, вышел ко мне, подталкиваемый мужиками,

и, сильно волнуясь, стал мне что-то говорить, плетя сплошной вздор и уверяя, что крестьяне совсем не хотели убивать стражников, а что вышло все это якобы случайно, и, в виде смягчающего вину обстоятельства, добавил: «Да где же нам разбираться. Старый режим нас всех держал в неграмотности, и мы ведь вообще народ темный...» На этом я прервал его красноречие, сказав: «Снимай штаны» — и приказал вахмистру тут же всыпать ему для просветления 25 плетей. Приказание было мгновенно исполнено, при великом удовольствии чеченцев. После этого я своей властью сместил старосту, арестовав его, и потребовал выдать всех виновных, согласно списку. Некоторые, к сожалению, скрылись, но человек двенадцать мне все же удалось захватить, среди которых оказались и две бабы, которые не пустили к себе в дом метавшихся в панике, ища спасения от убийц, жену и ребенка полицейского.

Покончив с этим, я отпустил мужиков по домам, приказав немедленно же сносить оружие и пригрозив, что после будет произведен повальный обыск и укрывателям пощады не будет. Час спустя на площади стояли уже четыре подводы, нагруженные винтовками и ручными гранатами. Желая выполнить возложенную на меня задачу как можно более обстоятельно, я приказал корнету Алехину, как юристу, окончившему лицей, произвести на месте же дознание о происшедшем и выяснить степень виновности каждого из арестованных, а также опросить свидетелей. Часов около 12-ти дня ко мне в деревню прибыл полковник Невзоров. Узнав о принятых мною мерах и о желании по окончании дознания отправить арестованных в город для предания суду, он заявил: «Смешно на это терять время, да половина удерет от вас по дороге. Назначьте взвод с офицером и сейчас же всех расстрелять, чтобы знали все мужики, что за каждого нашего убитого они будут отвечать десятью; а баб арестованных запороть», — таков был его приказ. Я пытался возражать, что на это у меня нет никаких полномочий, но приказ был категоричен, да и мой полицейский, присмиревший после моих окриков, сразу почувствовал поддержку в полковнике Невзорове и наговаривал то на одного, то на другого мужика, из-за чего полковник Невзоров увеличил еще на нескольких список обреченных. Бабы визжали под ударами нагаек.

В стороне на площади прозвучали один за другим несколько ружейных залпов... К телам расстрелянных запрещено было подходить, и к ним выставлен был караул чеченцев. Население могло лишь молча созерцать, понимая, за что его постигла такая жестокая кара. С наступлением темноты мне приказано было сниматься и возвращаться в город.

Эта первая карательная экспедиция произвела на меня удручающее впечатление. Я сознавал необходимость жестоких мер, но мне казалось, что они должны быть введены в рамки закона и санкционированы судом, а не личным распоряжением строевого начальника. Единственное, что давало мне удовлетворение, — это то, что, когда я, уходя из деревни, зашел выпить молока в один из домов, то старый крестьянин, провожая меня, сказал: «Спасибо вам, господин начальник, что избавили нас от этих душегубов и убийц; ведь они житья нам не давали. Все они коммунисты, и у каждого на душе по несколько жизней. Жаль только, что вы не всех их захватили, а ведь еще по десятку, наверное, веревка плачет...»

В Чугуеве мы простояли еще около недели. Пребывание в городе не обошлось без мелких неприятностей. Однажды офицеры полка засиделись за дружеской беседой в собрании; было выпито немало и вина, и молодежь-корнеты, щеголяя в черкесках, воспринявшие легко все обычаи горцев, стали стрелять в воздух, желая выразить по какому-то случаю свой восторг. Ординарцы и вестовые чеченцы с радостью подхватили. Пальба ночью в центре города поднялась такая, что население забилось в панике, вообразив налет красных. Некоторые эскадроны начали уже седлать... То, что могло иметь место в горских аулах, конечно, было недопустимо в населенном городе; на следующий же день посыпались жалобы губернатору, и в итоге последовал жестокий разнос всем присутствовавшим от командира полка.

Дня через два после этого случая, вечером, я пошел обедать в Собрание, но не успел сесть за стол, как за мною прислали из эскадрона. Оказалось, что в одном из зажиточных купеческих домов, среди расположения моего эскадрона, праздновалась свадьба. Вернувшись из церкви, молодые и гости сели за стол; начались традиционные речи и поздравления, как вдруг ворвались человек десять чеченцев, угрозами выгнали из дома всех гостей и сами принялись поедать все находящееся на столе. Легко представить себе панику и отчаяние молодых и приглашенных, которые разбежались во все стороны, спасаясь от моих дикарей. Близ дома меня встретил со слезами на глазах обезумевший от страха хозяин. Я вошел в столовую и, пустив в ход нагайку, очистил комнату от незваных гостей. Чеченцы, в свое оправдание, принялись меня уверять, что здесь был заговор и что все это большевики: «Ты разве, господин ротмистр, не видишь, — у них ни у кого нет погон... Мы их поганых блюд из свинины и ветчины и не трогали — наша вера это не позволяет». Несмотря на эти доводы, я сильно взгрел всю компанию; одновременно досталось от меня и вахмистру, и взводным за

недосмотр. Извинившись перед хозяином и выставив у его дома дневального, я просил их продолжать свое семейное торжество, гарантируя ему полную безопасность.

Не прошло и нескольких дней, как у меня в эскадроне произошел новый случай, столь характерный для чеченцев. Проходя через базарную площадь, я услышал в стороне сильный крик, и одновременно с тем ко мне подошел какой-то человек, говоря: «Что-то неладное происходит с вашим чеченцем». Я вошел в толпу и увидел своего всадника 2-го взвода, отбивавшегося от какой-то храброй бабы, уцепившейся ему в фалды черкески. «Я тебя, косой дьявол, до начальника доставлю, если не вернешь сапоги!» — визжала баба. Я здесь же на месте разобрал их спор. Мне было вполне очевидно, что чеченец украл сапоги, лежавшие на подводе; чеченец же уверял, что купил их. Я приказал вернуть их бабе, а самому отправиться в эскадрон и доложить о происшедшем вахмистру. Вечером, придя в эскадрон после переклички, я вызвал провинившегося всадника из строя.

Я его едва узнал: все лицо, опухшее и синее от кровоподтеков, говорило, что, пройдя через руки вахмистра, он едва ли миновал и своего взводного, и что в данном случае выражение «господин вахмистр с ним чувствительно изволили поговорить» имело буквальный, а не переносный смысл. Вахмистр мой, сам дагестанец, относился к чеченцам с нескрываемым презрением и высоко держал свой авторитет, не стесняясь пускать в ход свой увесистый кулак, отчего всадники его боялись и тянулись в его присутствии. В прежние времена, служа в регулярном полку, я был против рукоприкладства, считая, что в распоряжении офицера есть и другие меры воздействия на подчиненного, но, попав в среду туземцев, я убедился, что физические наказания являются единственной радикальной мерой. Чеченцы, как полудикие люди, признают исключительно силу и только ей и подчиняются; всякая же гуманность и полумеры принимаются ими как проявление слабости.

28 сентября пришло приказание грузиться в эшелоны и идти полку на присоединение к дивизии в районе станции Волноваха. Сосредоточение крупных сил в Екатеринославской губернии вызывалось необходимостью прикрыть города Таганрог и Ростов-на-Дону с их многочисленными штабными, продовольственными и тыловыми учреждениями от все распространяющегося махновского движения. В темноте, при тусклом свете фонарей, под непрекращающимся дождем, я ночью грузил свой эскадрон. На мое счастье, платформа для погрузки лошадей и обоза оказалась широкая и приспособленная, так что часа в два ночи мы уже двинулись в путь. Шли мы чрезвычайно медленно,

повсюду останавливаясь, и только утром 1 октября подошли к станции Волноваха, где на запасных путях в вагонах располагался штаб Чеченской конной дивизии.

Обстановка была неопределенная и тревожная. Никто точно не знал, где противник, а был он где-то близко и по временам обстреливал вокзал своей артиллерией. Штаб дивизии сильно нервничал; только что разрывом снаряда на платформе тяжело ранило полковника Якобсона (харьковского улана), у которого оторвало левую руку. Меня торопили с разгрузкой и требовали выводить лошадей по сходням прямо на пути — так как все платформы были забиты разгружающимися воинскими частями. По выгрузке эскадрона мне приказано было тут же расположиться и ждать приказаний из штаба дивизии. На мое счастье, я скоро связался со своим командиром полка, от которого получил разрешение выступить в деревню Валериановку для соединения с полком. Обстановка кругом была настолько неизвестна, что мы в эскадроне все время держали дежурные взводы и высылали ближнюю разведку.

Глубокой ночью полк был поднят по тревоге с приказанием штаба отыскать ушедший вперед отряд полковника Тополаева. В темноте, по слякоти, мы ощупью набрели на станцию Зачатьевскую, где и остановились. Обстановка стала постепенно проясняться. Усиленная разведывательная служба от полков стала понемногу нащупывать главные очаги сопротивления красных: на этот раз мы столкнулись с повстанческой армией батьки Махно.

Махновское движение, вспыхнувшее в тылу Добровольческой Армии в самый разгар ее победоносного наступления, причинило нашему главному командованию немало хлопот, образуя своего рода еще один внутренний фронт и отвлекая от главного фронта целые дивизии. Восстание охватило Харьковскую, Екатеринославскую и часть Полтавской губернии. Движение это всецело субсидировалось большевиками и имело целью, как и аналогичные движения Перцова и проч., разрушение нашего фронта и тыла и дискредитирование Белой борьбы[34]. Армия Махно трудно поддавалась учету; в ней находили убежище все дезертиры и уголовный элемент как белой, так и красной армии. Борьба с этим восстанием особенно затруднилась тем, что оно находило полное сочувствие среди местного населения, в достаточной мере распропагандированного «углублением революции», что сказалось в захвате чужой собственности, насилии и сжигании усадеб.

5 октября я получил приказание выступить с эскадроном в направлении деревни Розовка и сменить находившийся в

сторожевом охранении один из эскадронов 2-го Чеченского конного полка. Было чудное осеннее утро, и я выступил не торопясь, имея весьма банальное и малоинтересное задание. Пройдя верст восемь, я встретил всадников 2-го Чеченского конного полка. Остановив эскадрон, я выехал вперед ознакомиться с обстановкой. Оказалось, что громадное село-местечко Розовка, раскинутое вдоль разрушенного махновцами полотна железной дороги, было занято красными; село расположено было на небольшой возвышенности и обнесено со стороны, обращенной к нам, невысоким земляным валом; таким образом, оно представляло собой прекрасную оборонительную позицию с хорошим обстрелом. В полуверсте справа была небольшая роща, левый же фланг села упирался в глубокую балку, охватываемую разобранным полотном железной дороги. По фронту села, скатом в нашу сторону, была полоса скошенного луга, шириною приблизительно в три четверти версты; дальше шло громадное разросшееся подсолнечное поле. Среди этих густых зарослей подсолнуха и помещались чеченцы 2-го полка, держа лошадей в поводу и растянувшись редкой цепью на одну-полторы версты. На мой вопрос, какие имеются сведения о противнике, командир 2-го эскадрона чистосердечно ответил, что ему ничего не известно, но что он советует держать себя скромно, так как красные, имея большое количество пулеметов, стреляют по отдельным всадникам, и что у него уже имеется несколько раненых. Село занимает командующее положение, и, находясь внизу, наблюдать за ним невозможно; таким образом его пребывание здесь сводится главным образом к наблюдению за дорогами, ведущими в Розовку. Целью его было — не раздражать врага, отсидеть возможно благополучнее остаток времени и, дождавшись смены, уйти обратно.

Проехав по всему участку и осмотрев все на местности, я сменил эскадрон 2-го полка, применив совершенно иную систему охранения. Я выставил одну главную заставу с офицером и четыре сильно выдвинутых вперед полевых караула, беря под обстрел все дороги и подступы, связав их с заставой подвижными пешими дозорами. Оставшихся людей я разместил укрыто шагах в трехстах позади, откуда высылал конное наблюдение далеко на фланги. Таким образом, имея половину людей эскадрона в кулаке, я мог наблюдать, но в случае необходимости мог оказать и сопротивление, перебросив свой резерв на нужный участок. Казалось, такое решение наиболее соответствовало обстановке.

Расположение сторон имело странный вид. Громадное село Розовка, занятое красными, имело все преимущества обороны, и противник чувствовал себя там как в крепости; мы же

располагались внизу, по склонам, на открытой местности, и только местами укрывались за подсолнухами. Теоретически, своим присутствием, мы закрывали противника в селе, препятствуя ему распространиться в нашу сторону. Столь оригинальное и крайне для нас невыгодное положение было, конечно, временным, но продолжалось оно уже вторые сутки и объяснялось исключительно желанием выиграть время и прикрыть накапливание более значительных сил. В течение дня я неоднократно обходил охранение; служба чеченцами неслась прекрасно, и вид у них был бодрый и уверенный в себе. Красные изредка постреливали, не причиняя нам вреда.

Часов около пяти вечера ко мне прибыл ординарец из штаба полка. Приказание гласило приблизительно так: «На основании распоряжений начальника дивизии командир полка приказывает: с наступлением темноты эскадрону сняться и идти на присоединение к полку на станцию Зачатьевскую, оставив на ночь у виадука железной дороги одну офицерскую заставу для наблюдения. Остаток времени до темноты командир полка приказывает использовать, ведя энергичную разведку позиций противника, создавая у него впечатление о переходе нашем в наступление». Одновременно для сведения мне сообщалось, что сегодня около 2-х часов дня крупный казачий отряд перешел в наступление с целью охвата тыла и фланга всей группы красных.

Прочитав внимательно приказание, я спросил ординарца, почему оно так поздно мне доставлено, когда отправлено оно было более трех часов назад и помечено как срочное. Чеченец откровенно признался, что заблудился. Раздумывать было нечего: шел уже 6-й час, времени оставалось мало, через какой-нибудь час наступала темнота, и нужно было торопиться. Наиболее рациональным было бы, сообразно с местностью, выслать сильную пешую разведку, но эту мысль пришлось отбросить. У меня в строю было всего два офицера: корнет Алехин и корнет Лечи. Лучший мой младший офицер, поручик Янковский, за несколько дней до того уехал в отпуск. Пешая разведка чеченцев, без офицера, не сулила успеха; чеченского корнета Лечи я в расчет брать не мог: он, как туземец, не пользовался авторитетом у всадников, да и знания службы его были невелики. Обдумав положение, я решил, не теряя времени, произвести лавой демонстративное наступление на село, что несомненно вызвало бы огонь со стороны красных, обнаружив у них присутствие артиллерии и расположение пулеметов. Дальнейшее я решил предпринять уже соображаясь с обстоятельствами.

Отдав все нужные распоряжения и оставив наблюдение за балкой на левом фланге, я подвел скрываемых подсолнухами

всадников в поводу на линию полевых караулов. Кругом была полная тишина. Охранение влилось в эскадрон; 3-й и 4-й взводы в начавшихся сумерках стали бесшумно расходиться в лаву. 3-му взводу с вахмистром я велел встать уступом за правым флангом, оторвавшись на полверсты. 2-й взвод в разомкнутом двухшереночном строю встал со мною в затылок наступающей лаве. Все построение стало медленно подаваться вперед, выходя на скошенную полосу. До села было около версты. Очередь нескольких пулеметов и частый ружейный огонь встретили нас с фронта; пули роем пролетали над головой, не причиняя нам вреда. Тут показалось пять-шесть ярких вспышек из-за земляного вала, и разрывы шрапнелей и гранат ударили среди эскадрона. Эскадрон, двигаясь вперед, местами перешел в рысь и галоп, отвечая огнем с коней. Еще несколько ярких и совсем близких вспышек, и сразу же оглушительный звук разрывов: взводный 4-го взвода — бравый георгиевский кавалер — опрокидывается назад вместе с лошадью. Разрывом гранаты лошади перебило обе передние ноги и смертельно ранило в грудь и живот чеченца; еще один всадник упал, убитый наповал осколками снаряда. Несколько раненых лошадей билось тут же на земле, беспомощно поднимая голову и как бы ища спасения.

Справа от рощи неожиданно застрекотал пулемет, беря мой эскадрон во фланг; лава ускорила ход и влетела в ложбину, скрываясь в мертвом пространстве. Я остановил эскадрон и выехал наверх осмотреться. Справа, находясь на уступе, полным махом вылетел на своей рыжей кобыле вахмистр Джемолдаев и за ним развернутым строем 3-й взвод. В воздухе блеснули шашки; перед нами шагах в трехстах удирало человек десять-двенадцать красных кавалеристов, вскоре исчезнувших в лесу, откуда мои молодцы были встречены сильным огнем; после чего отошли назад, скрываясь в складках местности.

Становилось уже совсем темно; я не хотел оставаться в неизвестной обстановке, тем более что задачу свою считал выполненной. Я решил отходить. Собрав своих людей и послав донесение командиру полка, я приказал отходить и корнету Алехину для присоединения ко мне. Неожиданно один из чеченцев заметил шевеление в глубокой яме среди кустов и вскоре извлек оттуда трясущегося от страха мужика с винтовкой. Он был тут же пристрелен. Если, как правило, пленных красноармейцев мы не расстреливали, за исключением жидов, комиссаров и коммунистов, то махновцев расстреливали поголовно, благодаря чему и случаи сдачи с их стороны в плен были чрезвычайно редки. Они дрались упорно, после чего разбегались по домам и, не нося отличительных знаков, легко

растворялись среди сочувствующего им населения, выжидая удобного случая, чтобы снова ударить на нас с тыла.

На дороге чеченцами была остановлена крестьянская подвода, на которую были погружены тело убитого всадника и оба раненых, а также седла с убитых лошадей.

Ночь наступила быстро, и подводчик, который одновременно был и нашим проводником, все время сбивался с дороги. Я начинал опасаться, как бы не набрести в темноте на красных. Проблуждав часа два, мы неожиданно вышли прямо на станцию Зачатьевскую. Тяжелораненый взводный скончался в дороге на подводе; это была большая утрата для эскадрона. Командир полка вышел мне навстречу и после моего доклада благодарил эскадрон за службу и молодецкий вид.

Я был горд за своих людей: чеченцы, несмотря на сильный огонь, держали себя прекрасно, не терялись и в точности исполняли все приказания. Я начинал уже сам себя убеждать и как будто верить, что, держа чеченцев строго в руках и не допуская грабежей, из них можно сделать неплохих солдат; к сожалению, жизнь не замедлила опровергнуть все мои мечтания.

Борьба с грабежами становилась почти непосильной. Грабеж был как бы узаконен всем укладом походной жизни, а также и вороватой природой самого горца. Мы стояли среди богатых, зажиточных крестьян, в большинстве случаев немцев-колонистов, не испытывая никакого недостатка в питании: молока, масла, меду, хлеба — всего было вдоволь, и тем не менее жалобы на кражу домашней птицы не прекращались. В один миг чеченец ловил курицу или гуся, скручивал им голову и прятал свою добычу под бурку. Бывали жалобы и посерьезнее: на подмен лошадей или грабежи, сопровождаемые насилиями или угрозами. Командир полка жестоко карал виновных, но что мог он сделать, когда некоторые из его же ближайших помощников готовы были смотреть на все эти беззакония как на захват военной добычи, столь необходимой для поощрения чеченцев.

Если с внешней стороны эскадрон и представлялся грозной и внушительной силой, имея в строю около 150-ти всадников, или, как они себя сами называли, «джигитов», с мрачными, угрюмыми лицами, прекрасно вооруженных, довольно однообразно одетых в черкески с желтыми башлыками и сидящих на чудных сухих горских лошадях, то, к великому сожалению, в туземных частях внешний вид часто бывал обманчив и даже мог находиться в резком противоречии с внутренним духом и состоянием части. Удельный вес чеченца как воина невелик, по натуре он — разбойник-абрек, и притом не из смелых: жертву себе он всегда намечает слабую и в случае победы над ней становится жесток до

садизма. В бою единственным двигателем его является жажда грабежа, а также чувство животного страха перед офицером. Прослужив около года среди чеченцев и побывав у них в домашней обстановке в аулах, я думаю, что не ошибусь, утверждая, что все красивые и благородные обычаи Кавказа и адаты[35] старины созданы не ими и не для них, а, очевидно, более культурными и одаренными племенами. В то же время справедливость заставляет сказать, что чеченец незаменим и прекрасен, если, охваченный порывом, он брошен в преследование расстроенного врага. В этом случае — горе побежденным: чеченец лезет напролом. Упорного же и длительного боя, особенно в пешем строю, они не выдерживают и легко, как и всякий дикий человек, при малейшей неудаче подвергаются панике. Возможно, что присутствие в строю среди них большого количества русского унтер-офицерского состава придало бы устойчивость туземным частям, но, к сожалению, этого скелета армии у нас-то как раз и не было, и только как сравнительно редкое исключение к нам попадали участники Великой войны — всадники Дикой дивизии. И вот из этого-то сырого материала «природных воинов и джигитов», в условиях гражданской войны, приходилось формировать полки и дивизии и вести в бой наспех обученных людей, притом за идеалы им чуждые и в то время совсем не понятные.

7 октября все мы в полку были потрясены невероятным случаем. Несколько офицеров оставались сидеть в Собрании после обеда; кто играл в карты, а кто просто беседовал за стаканом вина. Было часов около десяти вечера, когда за окном раздался один-единственный выстрел, посыпались стекла, и сидевший спиной к окну корнет Крахмалюк (Приморского драгунского полка) как подкошенный упал мертвым. По тревоге поднят был ближайший 2-й эскадрон, в темноте произведены были облава и повальный обыск, арестовано было несколько человек жителей, но доказательств против кого-либо из них не обнаружилось. Меня в это время в Собрании не было; пообедав, я ушел к себе и весь вечер просидел над отчетностью эскадрона, проверяя различные ведомости. Узнав от денщика о происшедшем, я невольно подумал: не месть ли это и не была ли жертва намечена заранее. Я вспомнил мою утреннюю встречу с корнетом Крахмалюком по возвращении его из дальнего разъезда и его циничный рассказ, сводящийся приблизительно к следующему: никого в указанных пунктах не обнаружив, разъезд шагом возвращался домой; проходя через одну из деревень, начальник разъезда заметил среди улицы бабу, которая как будто подавала кому-то знаки о движении чеченцев. Корнет решил, что

это шпионка, приказал арестовать ее и начал допрашивать. Баба упорно отпиралась. Взбешенный корнет Крахмалюк приказал тут же бабу выпороть; баба стала кричать и отбиваться. Ее тут же для успокоения облили холодной водой, но и это не помогло. Тогда корнет Крахмалюк, выхватив револьвер, уложил бабу на месте, причем закончил свой рассказ словами: «Ее глупые мозги брызнули мне прямо в лицо...» Это было так дико, что я невольно подумал, нормальный ли он, и в душе благодарил судьбу, что он не у меня в эскадроне. Со слов близко его знавших, резкие и жестокие поступки корнета Крахмалюка с красными несомненно объяснялись в известной степени его невменяемостью, вызванной перенесенными им невероятными мучениями и многочисленными арестами за время пребывания его в советской России; не мудрено, что в каждом почти мужике он готов был видеть большевика и убийцу своих близких.

На следующий день все арестованные были освобождены за недостатком улик. Задержан был лишь один здоровенный парень из соседнего села. Все допросы его не давали никаких результатов; он упорно отмалчивался, но наглая манера держать себя и отвратительная его рожа не оставляли сомнения в том, что он был коммунистом; кроме того, против него были и кое-какие косвенные доказательства. Продержав парня два дня под арестом, командир полка приказал его расстрелять в ночь на 9 октября, перед вступлением полка в деревню Валериановку. Много лет спустя, уже в Париже, мы вспоминали этот случай, и полковник Кучевский сказал мне: «Ты знаешь, как я всегда был против бессудных казней в полку, но на этот раз я не испытываю ни малейшего угрызения совести, как только вспомню его жуткую физиономию. Безусловно, он был коммунист и заслуживал своей участи».

Почти одновременно с описываемыми событиями деревня Розовка, у которой я был в охранении 5 октября, была без боя оставлена красными, которые, под угрозой наступления терских казаков, очистили целый ряд деревень и отвели свои главные силы к линии железной дороги: Цареконстантиновка — Пологи — Гуляй-поле. Банды и отбившиеся мелкие отряды продолжали свою деятельность у нас в тылу. Для очистки Розовки и занятия этого важного стратегического пункта был направлен штаб-ротмистр Генрици с 2-м эскадроном. День спустя, на смену его, был назначен я с моими людьми. Мы проходили вновь знакомые места; раздутые трупы лошадей моего эскадрона, убитых вечером 5 октября, лежали неубранные в поле. Громадное село имело совершенно мирный вид; жители делились с нами впечатлениями о том, что произошло у красных вечером, когда

обнаружилось наступление моего эскадрона. У противника началась паника, спешно запрягались обозы и увозилась артиллерия. Их было здесь более тысячи человек, при четырех орудиях. «Будь вас раза в три поболее, да поднажмите вы посильнее — так всех бы и захватили», — сказал мне один крестьянин.

Днем я выставил только два полевых караула: положение деревни было весьма выгодно, вся местность лежала как на ладони. Лошади частично стояли расседланными, и люди отдыхали. С наступлением темноты в охранение уходило около трех взводов. Красные чувствовали силу и не рисковали нападать; кругом стояла полная тишина. Объезжая ночью охранение, я набрел на спящих в полевом карауле часового и подчаска. Я огрел обоих нагайкой, они вскочили, протирая глаза, и на мой разнос один из них меланхолически ответил: «Господин ротмистр, прости меня, но моя не боится большевиков, и потому я решился немножко спать». Это было характерно для чеченцев: ночью они всегда засыпали и могли легко подвести. Но Бог нас хранил, если чеченцы в охранении и спали.

Так дважды, сменяя эскадрон Генрици, ходил я в Розовку. Идя вторично в охранение, мне было приказано командиром полка, оставив на день заставу в деревне, самому с эскадроном обследовать ряд находящихся впереди селений. Мы продвигались из деревни в деревню по заранее выработанному маршруту. Как правило, во избежание возможных засад и неожиданностей я высылал офицерский разъезд, подходя за версту к каждому населенному пункту, с целью осмотра местности, только после этого эскадрон входил в деревню.

Сделав короткий привал и поговорив с населением, мы шли дальше. Движение наше носило чисто мирный характер, никакого сопротивления нам нигде не оказывали.

На обратном пути по дороге моей лежала большая еврейская колония «Графское». На этот раз очередь идти в головной разъезд была корнету Алехину. Следом за ним минут через десять вошел в селение и я. Велико было мое удивление, когда, выйдя на площадь, я увидел громадную толпу народа, стоящую на коленях. Впереди толпы, с котелком в руках, в лисьей меховой шубе, с длинными седыми пейсами, стоял раввин. Я остановил лошадей и велел всем встать. Седой раввин приветствовал меня несколькими теплыми словами, указав, что в нашем лице он хочет видеть законную власть, которая их оградит от произвола и грабежа махновцев. Напуганные еврейчики, как могли, старались угодить чеченцам, вынося им молоко, хлеб, папиросы и даже охапки сена для лошадей.

Не задерживаясь долго в селении, мы продолжали свой путь, желая засветло вернуться в Розовку. По дороге я подозвал корнета Алехина и спросил: «Что это тебе в голову пришло издеваться над людьми и ставить их на колени?» — на что Алехин с явно довольным видом заявил: «Это все сделано для проявления жидовской покорности».

Дней через десять, пропуская на походе мимо себя эскадрон, я заметил на вьюке одного чеченца лисью шубу раввина. «Каким образом она у тебя?» — спросил я. Чеченец стал клясться и уверять, что купил шубу у раввина, чтобы сделать из нее на зиму попону для лошади. Чеченец, конечно, врал, но проверить это не было возможности, мы были уже в других краях. Мне было совершенно ясно, что, уходя, чеченец умудрился отстать от эскадрона и стащить шубу с плеча старика. Какой насмешкою при этом звучали слова приветствия раввина: «Мы хотим видеть в вашем лице представителей законной власти...»

14 октября мой 4-й эскадрон расквартирован был в одной деревне со штабом полка. Около 3-х часов дня я был вызван в канцелярию. Командир полка полковник Кучевский обратился ко мне со следующими словами: «Из штаба дивизии сообщили, что деревня Гайчур, верстах в 12-ти от нас, сегодня же утром оставлена красными, и поэтому тебе надлежит немедленно же выступить с эскадроном при одном пулемете. Проверь разъездами полученные сведения и по подтверждении их займи деревню, выставив охранение. Через 1—2 дня, очевидно, в Гайчур перейдет весь наш полк для дальнейшего наступления против Гуляй-поля. Мой совет — торопись все проделать до темноты». Вопросов у меня не было, все было ясно, время было дорого, в октябре темнеет рано. Выйдя из штаба, я приказал вахмистру седлать и строить эскадрон. Корнету Алехину с 15-ю всадниками я приказал немедленно же на рысях идти прямо в Гайчур и на месте выяснить всю обстановку, озаботиться о фураже и встретить меня при подходе. Сам я предполагал выступить с эскадроном минут через пятнадцать-двадцать.

Шел мелкий, беспрерывный дождик; единственная дорога на Гайчур шла через ровное, распаханное и размытое дождем поле. Кругом на версту все было отчетливо видно. Выслав головные дозоры, я повел эскадрон без бокового охранения, желая этим ускорить наше движение и не утомлять лошадей движением по пашне. Прошло более часа. Головные дозоры остановились, делая какие-то знаки. Я выехал вперед и увидел едущего навстречу корнета Алехина. Из опроса местных жителей и из всего виденного на месте он мне точно подтвердил все сведения командира полка, добавив, что большинство мужского населения

ушло с Махно; по его первому впечатлению, жители относятся к нам весьма недоброжелательно и даже за деньги отказываются продавать фураж и продукты. Вызвав песенников вперед, мы втянулись в Гайчур. Богатое, зажиточное, в несколько сотен дворов село производило в то же время впечатление полувымершего. На улицах почти никого не было, и только из дворов на нас выглядывали озлобленные лица.

Дойдя до площади, я остановил эскадрон и, спешив, выслал тотчас же охранение. Село было сильно вытянуто и расположено на скрещении нескольких дорог. В охранение у меня ушло почти два взвода, то есть около 60-ти всадников. В направлении на Гуляй-поле — сторону отхода красных — я выставил главную заставу в один взвод, придав ей пулемет, под начальством корнета Лечи. Кроме того, я выставил еще несколько полевых караулов и выслал целую сеть подвижных дозоров. Оставшиеся всадники, в числе 70—80 человек, разбив коновязи на площади перед церковью, расположились со мной тут же в нескольких домах.

Было уже совершенно темно, когда, объехав все сторожевое охранение, я вернулся к эскадрону. Совершенно неизвестная обстановка, ночная темнота оказывали свое благотворное влияние; всадники нервничали, что давало мне известную гарантию исправного несения сторожевой службы. В отведенной мне хате меня ждал уже староста. Из десятиминутного разговора с ним мне вполне стало ясно крайне большевистское настроение села; поэтому нужно было обеспечить себя от всяких неожиданностей, тем более что отдельные ружейные выстрелы то и дело щелкали в стороне. Из разговора со старостой и с наиболее зажиточными и пострадавшими от махновцев крестьянами мне удалось составить список самого беспокойного и уголовного элемента деревни. Отпустив всех, кроме старосты, по домам, я приказал корнету Алехину с 10-ю чеченцами, взяв с собой старосту, произвести аресты и обыски в указанных домах. Яс вахмистром остался вдвоем в хате, обсуждая по карте направление разъездов, которые предполагал выслать с рассветом для освещения местности. Вскоре из охранения стали прибывать арестованные подозрительные типы; на двух было даже найдено оружие. Я препроводил всю эту теплую компанию в сарай, приставив к ним солидный караул. Прошел час-другой. Корнет Алехин вернулся, ведя с собой четырех арестованных. В одном из домов в него почти в упор кто-то выстрелил и скрылся в темноте. Взломав дверь, чеченцы обнаружили целый склад оружия. Большинство арестованных имело явно уголовный вид, за каждым из них числилось по нескольку преступлений. Корнет

Алехин и большинство чеченцев просили меня немедленно же всех их бесшумно ликвидировать. Но я категорически запретил это, приказав отправить всех их в сарай под арест и предполагая наутро предать всех военно-полевому суду с целью придать делу хотя бы видимую законность. Через старосту я оповестил село, что все арестованные будут немедленно же расстреляны в случае каких-либо враждебных действий против моих чеченцев.

Послав подробное донесение командиру полка, я снова объехал все охранение: все было на месте, и служба неслась исправно. В течение ночи по моему приказанию еще дважды все посты объезжал корнет Алехин. Часов в пять утра, когда на дворе стало немного сереть, мы с корнетом Алехиным, напившись горячего молока, сидели и мирно дремали над столом в теплой хате. Вдруг очередь пулемета и сразу же поднявшаяся беспорядочная ружейная стрельба с стороны главной заставы заставили нас вскочить и выбежать на площадь. Со всех сторон, продирая глаза от сна, бежали чеченцы. Оглушительный разрыв снаряда на самой площади обдал нас грязью; лошади стали рваться с коновязи. Второй снаряд дал перелет в поле. «Первый взвод по коням! — приказывал я. — Корнет Алехин, полным ходом на главную заставу!» Вскакивая на ходу на лошадей, 1-й взвод срывается с места и скрывается в улице. Стрельба не утихает. По присутствию артиллерии (одной или двух пушек) и нескольких пулеметов становится ясно, что наступает сравнительно крупная часть. Надо быстро принимать решение. Разослав ординарцев, я стал собирать часть охранения, оставляя на местах только дозорных, желая иметь большую часть эскадрона в руках. Не успел я еще отдать все приказания, как мимо меня, пересекая площадь, с бледным лицом, что-то невнятно крича, полным карьером, с окровавленной рукой, держа ее как-то на весу, проскакал корнет Лечи с пятью-семью чеченцами. Никакие мои окрики остановить их не могли. Проскакав между домов, они скрылись в поле. Из охранения со всех сторон к площади неслись чеченцы, стреляя куда-то на ходу прямо с коней. Карьером пронеслась и пулеметная двуколка с прапорщиком Алексеевым. Что произошло на заставе — я ничего толком разобрать не мог. Вскочив на лошадь, я с двумя-тремя ординарцами встал поперек улицы, ведущей на главную заставу; пустив в ход нагайку, мне удалось наконец остановить охваченных паникой всадников. Подъехал корнет Алехин и доложил о происшедшем. Оказалось, что, благодаря туману и снятию по приказанию корнета Лечи с началом рассвета всех секретов и полевого караула главной заставы, махновцы смогли частью незаметно просочиться в деревню; другая же часть их

подошла вплотную к заставе и окружила ее. В дальнейшем произошла короткая свалка, паника и общее бегство. По словам корнета Алехина, паника настолько охватила людей, что он уже ничего поделать не мог, даже и с подошедшими свежими силами. На нас, очевидно, наступали значительные силы, но, заняв окраину деревни, они остановились. Предполагая, что красные, подтянув свои части, войдут в деревню, я приказал корнету Алехину взять взвод и пулемет с прапорщиком Алексеевым, расположить их на площади поперек улицы и, заняв в пешем строю позицию, всячески задерживать красных. Я же, с оставшимися двумя взводами, обойдя деревню по полю, предполагал ударить в конном строю по хвосту наступающей колонны. При магическом воздействии кулака и нескольких крепких вахмистерских слов эскадрон был построен и, огибая церковь, начал выходить в поле. Давая последние распоряжения корнету Алехину, я задержался в деревне. В это время с шумом распахнулись зеленые ставни дома псаломщика и на подоконнике появился пулемет, давший сразу почти в упор очередь по оставшемуся на площади взводу. Трудно передать то, что случилось тут с людьми; давя друг друга, нахлестывая лошадей нагайками, всадники бросились врассыпную, спасаясь в поле. Из дворов бежали крестьяне с винтовками, дубинами, кто с чем попало; несколько мужиков на руках выкатывали подводу, желая преградить путь мне и моим ординарцам.

Прыгнув через невысокую изгородь, мы попали в огород, но и тут пять-шесть каких-то типов, размахивая винтовками, преградили нам путь. Выхватив шашки, мы бросились на них, но они тут же расступились, и мы выскочили в поле.

В этот миг произошел случай, запечатлевшийся на всю жизнь в моей памяти. Впереди и немного правее меня скакал чеченец. Какой-то здоровый парень в белой пеньковой рубахе ухватил всадника за ногу, желая, очевидно, стянуть его с седла. Чеченец, как мог, отбивался, не переставая нахлестывать лошадь. Вдруг парень отлетел в сторону, но в это мгновение его настиг взводный — кавалер трех крестов за Великую войну, круто, на полном ходу, осадил своего коня (его лошадь как бы присела на задние ноги) и, встав на стремена, со страшной силой ударил его шашкой по голове. Удар был лихой; парень, как мне показалось, момент-другой продолжал стоять на месте и затем рухнул на землю... Проскакивая мимо него, я заметил, что верхушки головы не было, перевернутый череп висел на клочке кожи, имея вид разрезанной пополам корки от дыни... Все открытое поле покрыто было скакущими чеченцами; сильный ружейный и пулеметный огонь слышен был за спиной. Пять-шесть шрапнелей разорвалось

далеко впереди эскадрона. Остановить снова охваченных паникой чеченцев было невозможно. Сидя на хорошей кровной лошади, я, срезая дорогу скачущим чеченцам, опередил их и, делая знаки шашкой, стал понемногу собирать людей, однако большинство их пронеслось куда-то дальше.

Прошло десять-пятнадцать минут; постепенно люди стали съезжаться. Я построил эскадрон и выслал наблюдение за противником. Человек двадцать пять-тридцать в эскадроне еще не насчитывал; чеченцев десять было ранено, один из полевых караулов отсутствовал полностью:по сведениям дозоров, он был окружен и взят целиком в плен. Увидев начальника караула арестованных, я спросил его о судьбе последних; ответ был простой: «Как начали стрелять, арестованные хотели бежать, и мы их резали всех кинжалом...»

Сказав эскадрону несколько слов и пристыдив людей за панику, я напомнил им о кровной мести горцев. Казалось, мои слова имели успех.

С невероятно тяжелым сердцем я отвел эскадрон и укрыл его в балке, продолжая вести наблюдение за врагом. Длинная колонна красных втягивалась в Гайчур со стороны Гуляй-поля. Послав обстоятельное донесение командиру полка, я испрашивал приказаний.

Часа в три дня я получил приказание полковника Кучевского присоединиться к полку. В мрачном настроении вел я эскадрон назад, чувствуя невольное угрызение совести за столь бесславные действия эскадрона. Но в то же время внутренний голос говорил мне: было сделано все, что в человеческих силах; немало было и личного примера: корнет Алехин, вахмистр, взводные оказались вполне на высоте, но всадники — это были не старые лейб-драгуны, которые могли дать и порыв, и нужную стойкость…

В сумерках я присоединился к полку. Спешив эскадрон, я пошел с докладом к командиру полка — признаться, с тяжелым камнем на душе. Доложил обо всем происшедшем, а также и о потерях эскадрона, которые после общего подсчета выяснились в 16 человек пропавших без вести, 10 раненых и столько же приблизительно лошадей. Полковник Кучевский был мрачен, лицо его выражало неудовольствие, и на мой вопрос, где он прикажет расположить эскадрон, последовал довольно неожиданный ответ: «Штабс-ротмистр Де Витт, я вам приказываю немедленно с эскадроном выбить противника из деревни Гайчур, где и расположиться». На все мои доводы о переутомлении конского состава и о невозможности выполнить это приказание ночью командир полка остался непреклонным. Не желая, чтобы доводы мои истолкованы были как малодушие, я вышел на

подъезд и скомандовал: «Эскадрон, по коням, садись!» — и стал вытягивать колонну; но в эту минуту меня догнал полковой адъютант с приказанием командира полка расседлывать и отдыхать людям, мне же явиться снова к нему. Когда я вернулся в штаб полка, полковник Кучевский уже в значительно более мягком тоне сообщил, что утром два эскадрона с 4-мя пулеметами, имея мой эскадрон в авангарде, должны будут снова занять деревню; при этом командир полка требовал примерного наказания населения за предательство и приказал сжечь все дома, откуда стреляли по чеченцам.

На следующий день дивизион[36] чеченцев, в составе 3-го и 4-го эскадронов, при 4 пулеметах, под общим командованием полковника Скачкова, без боя вновь занял деревню Гайчур, откуда красные за ночь ушли. Идя в авангарде и приближаясь к деревне, я издали увидел с десяток мужиков, бегущих полным ходом из огородов в поле. Я послал чеченцев догнать и обыскать их: у всех оказалось оружие или ручные гранаты; это были разведчики-махновцы. Все они были тут же на месте расстреляны.

В одном из заброшенных дворов, в сарае, мы обнаружили 16 изуродованных и раздетых трупов чеченцев главной заставы и одного из полевых караулов. Расправа с населением была заслуженно жестока, о чем красноречиво свидетельствовали более 20 тел тут же на площади расстрелянных махновцев. Простояв часа два в деревне Гайчур, мы спешно пошли в направлении на Гуляй-поле, где обстановка требовала нашего присутствия. Через несколько дней мы заняли и Гуляй-поле, штаб-квартиру Батьки Махно. В местной красной газете, официозе штаба армии, которая попала нам в руки, мы могли прочесть сильно преувеличенную сводку красных о неудачном бое моего эскадрона:

> «Оперативная сводка штаба Революционно-Повстанческой Армии Украины (Махновской) от 29 октября (нов. ст.) 1919 года, дер. Гуляй-поле.
>
> Командир ударной мстительной группы товарищ Кожин выехал в дер. Гайчур «с волками». На рассвете 28 октября (нов. ст.) сделал налет на противника, захватив его врасплох, изрубив 25 чеченцев и 40 пехотинцев, и выгнав его вон».

Оригинал этой сводки хранится в настоящее время у командира 1-го Чеченского конного полка полковника И. М. Кучевского в Париже.

16 октября дивизион наш через Федоровку повел наступление на деревню Магедово, которую я и занял почти без

боя, после легкой перестрелки, находясь с моим эскадроном в авангарде. К вечеру в деревню Магедово подошел и весь полк, и с рассветом 17-го мы перешли в наступление вдоль железной дороги, охватывая деревни Воскресенку, Цареконстантиновку-Гусарки, имея конечным пунктом крупный железнодорожный узел, станцию Пологи. На этот раз наступление велось крупными силами. Слева от полотна железной дороги наступали: Терская казачья дивизия, бригада донцов, 2-й и 3-й Чеченские конные полки. Наш 1-й Чеченский конный полк двигался, непосредственно примыкая к самому полотну, по правую сторону насыпи. На железнодорожном пути с нашей стороны впервые появился бронепоезд и отдельная площадка с паровозом и установленным на ней тяжелым дальнобойным морским орудием. По параллельному пути взад и вперед носился товарный вагон, в котором расположен был штаб отряда, руководивший всей операцией.

Насколько я понимал, обстановка представлялась в следующем виде. Очистив весь прилегающий район от красных, мы их постепенно прижимали к железной дороге, где в районе станций Пологи — Гуляй-поле им и предполагалось нанести сокрушительный удар. Дожди за последнее время сделали местность почти непроходимой; лошадь, сойдя с дороги, проваливалась и вязла в размокшем черноземе. Эскадроны беспрерывно спешивались, и движение сильно замедлялось. Далеко в версте-двух за поворотом полотна у красных появился свой бронепоезд. Едва наш бронепоезд или морское орудие открывали огонь, красный бронепоезд сейчас же исчезал и на смену ему мгновенно появлялись тачанки с пулеметами. Но стоило нашим замолчать, как из-за леса поднимались клубы дыма, выплывал красный бронепоезд и осыпал нас шрапнелями.

К вечеру, продвинувшись вперед на несколько верст и оттеснив по всему фронту красных, мы заночевали в ближайших хуторах. Наутро 20 октября, под проливным дождем, мы снова двинулись вперед. На этот раз три эскадрона нашего полка наступали лавой, а временами и цепями, слева от полотна, я же один с моим 4-м эскадроном двигался справа, являясь прикрытием к бронепоезду и осью захождения всего боевого участка перед атакой станции Пологи. С рассветом, под прикрытием сильного артиллерийского огня, весь боевой участок двинулся вперед. Мне приказано было, дойдя до железнодорожной сторожки, остановиться и ждать приказаний. Лошади вязли и бились в размокшей грязи. Я спешил эскадрон и повел его цепями по пахоте; коноводы в поводу в полуверсте сзади, подаваясь вперед по единственной узкой проселочной

дороге, идущей вдоль полотна. Мы попадали то под пулеметный, то изредка под шрапнельный огонь. Красные против меня медленно отходили. Во много раз серьезнее шел бой слева от полотна, но, по сведениям, и там противник начал отходить. С левого участка беспрерывно выносили раненых чеченцев и казаков, укладывая их в товарные вагоны. Я же почти не нес потерь, если не считать двух раненых; без особого упорства, перебежками продвигаясь вперед, дойдя до указанной сторожки, остановился и послал донесение. Прошло немного времени. Ко мне приехал командир полка. С его слов я узнал, что продвижение слева идет успешно, что в полку уже человек 15—20 чеченцев убито и человек 80 ранено; ранен и командир 2-го эскадрона штаб-ротмистр Генрици. Очевидно, казаки будут скоро атаковать Пологи, мы же должны обеспечить их на фланге. Желая ознакомиться с обстановкой у меня на участке, командир полка выехал из-за сторожки; несколько пуль щелкнуло в стену дома, и сразу же началась трескотня. Осмотрев местность, командир шагом отъехал назад, говоря спокойно: «Однако у тебя здесь здорово постреливают».

Час спустя мне пришло приказание собирать людей и присоединиться к полку. На рысях мы вошли в Пологи, куда только что ворвались донцы под прикрытием бронепоезда. Громадный железнодорожный узел Пологи был уже в наших руках; мы остановились у вокзала и спешились. На площади лежало несколько неубранных трупов и перевернутые подводы. К нам подошли походные кухни и обозы. Пользуясь свободной минутой, я по путям пошел разыскивать санитарный поезд и вскоре набрел на товарный вагон, где на соломе лежал раненый ротмистр Генрици.

Часа два спустя мой 4-й и (кажется) 3-й эскадроны, под начальством полковника Невзорова, выступили походом на Гуляй-поле, по пути отхода красных. Поздно ночью, под страшным ливнем, мы заняли без боя столицу махновского движения; почти одновременно с нами в Гуляй-поле вошли и донские казаки. Усталые, голодные, промокшие до последней нитки, мы расположились в громадной школе. Мы были до того измучены, что охранения, за исключением дневальных, не выставляли, оно все равно бы заснуло. Мы полагались на казаков, предполагая, что, охраняя себя, они тем самым охранят и нас; главное же, мы рассчитывали на то, что красные, получив сильную встряску, вряд ли попытаются перейти в наступление в такую погоду. Наши расчеты оказались правильными, и, выспавшись, мы на другое утро начали осматриваться. К этому времени подошел и весь наш полк. День спустя, 22 октября, мы

выступили походом на станцию Чаплино, где начали спешно грузиться в эшелоны для переброски по железной дороге на станцию Синельниково для действий против Екатеринослава и Александровска, захваченных отступающими бандами Махно.

Осенние холода, постоянная сырость начали вызывать серьезные заболевания среди чеченцев. Я сам в последние дни, а в особенности в эшелоне, во время переброски полка, начал страдать каким-то острым желудочным заболеванием и, прибыв с эшелоном за станцию Синельниково, вынужден был эвакуироваться в Харьков. Несколько дней спустя, через Ростов — Новороссийск, я морем выехал в Одессу.

На этот раз пребывание мое в тылу затянулось почти на три месяца. Здоровье мое быстро восстановилось, но надвигалась грозная туча крушения всего Белого фронта. Киев, Харьков, Полтава, Ростов переходили вновь в руки красных. В Одессу, отходя с Киевской армией, прибыл и мой отец, состоявший для поручений при генерале Драгомирове. Фронт вокруг Одессы все сжимался; ставился вопрос об эвакуации города, и нужно было вывозить семью. Я неоднократно получал телеграммы с требованием вернуться в полк, но пути сообщения были уже прерваны. В городе по ночам была стрельба начинались грабежи — Одесса агонизировала. В эти тревожные дни отец мой, живший в штабном поезде на путях, заболел тифом и 24 января 1920 года, за два часа до эвакуации города и погрузки нашей на пароходы, скончался в госпитале Красного Креста. С тяжелым чувством, оставляя на постели непохороненное тело отца, я покинул с семьей Одессу.

Оставив семью в Севастополе, я в тот же день продолжил путь на Новороссийск, желая повидать мать, чтобы в дальнейшем разыскать полк. Но здесь меня ждал новый удар: в Новороссийск я прибыл пять дней спустя после похорон моей матери, скончавшейся 26 января, то есть через день после смерти отца. Весь Северный Кавказ был уже в руках красных. Общая безнадежность и падение духа...

Ближайшим пароходом я вернулся в Севастополь и день-два спустя выехал на фронт в армию генерала Слащева[37]. На станции Джанкой, встретив отошедший на Крым штаб Чеченской конной дивизии, я устроил себе перевод в Сводно-Гвардейский отряд флигель-адъютанта полковника Петровского, куда составною частью входил и родной мне эскадрон лейб-драгун под начальством доблестного ротмистра графа Андрея Толстого 1-го. В составе своего эскадрона я проделал все бои за удержание Крымского перешейка, из которых наиболее жестокие были под

Юшунью, Армянским Базаром и Карповой Балкой.

Пробыв на фронте почти два месяца, 2 апреля под вечер я получил долго блуждавшую и разыскивавшую меня телеграмму с известием о смерти моего сына. В ту же ночь я выехал в Севастополь. Наутро 3 апреля, в тумане, эскадрон лейб-драгун и сводный эскадрон конно-гренадер и кирасир Его Величества были окружены красной конницей, прижавшей их к морю. Видя неминуемую гибель, эскадроны решили пробиваться, но заплатили за это жизнью почти всех офицеров, бывших в строю, в том числе и жизнью храброго лейб-драгуна графа Андрея Толстого 1-го.

Недели две спустя я снова вернулся на фронт и в составе Сводно-Гвардейского кавалерийского полка, куда влился эскадрон лейб-драгун, принял участие в боях по овладению Северной Таврией...

Париж, 1938

Вступительная статья и примечания Владимира Лапина

notes

Примечания

1

Генерал от инфантерии В. М. Безобразов, командующий Особой армией, являвшейся в 1916 г. резервом Ставки.

2

Северный фронт был образован в 1915 году после разделения Северо-Западного фронта на Северный и Западный для лучшего управления войсками. Прикрывал Петроградское направление от побережья Балтики до центральной Белоруссии.

3

До царствования Николая I каждый полк имел кроме командира еще шефа в генеральском чине для общего надзора за управлением и хозяйством части. Во второй половине XIX — начале XX вв. шефство стало почетным званием, которое принимали на себя члены императорской фамилии, иностранные монархи и особо заслуженные генералы. Шефом лейб-гвардии Драгунского полка с 1909 года была великая княгиня Мария Павловна, супруга великого князя Владимира Александровича.

4

Речь идет о знаменитом «Брусиловском прорыве» — наступлении Юго-Западного фронта в июне — августе 1916 года из района Ровно на Луцк.

5

Офицерский разъезд — группа младших офицеров-кавалеристов, которые занимались доставкой пакетов и устных распоряжений. Необходимость офицерских разъездов объяснялась недостатком технических средств связи и малой эффективностью полевого телефона в условиях наступления.

6

Верховному командованию Российской армии не удалось должным образом скоординировать действия фронтов для оказания поддержки войскам генерала А. А. Брусилова, в результате чего запоздалое наступление Западного фронта на сильно укрепленный Ковель, предпринятое в июле 1916 года, было остановлено на реке Стоход и окружавших ее болотах. В ходе этих боев русская гвардия понесла огромные потери.

7

Автор несколько неточен. Австрийцы остановили русские войска на подступах к Владимиру-Волынскому еще в середине июня 1916 года. Окончательно бои на этом направлении, как финальная часть «Брусиловского» наступления затихли в середине августа.

8

Кавалерия и артиллерия русской армии в 1917 году дольше других родов войск сохраняли дисциплину и боеспособность. Это во многом было связано с тем, что в них служило много кадровых офицеров, тогда как в пехоте почти все командиры начинали службу прапорщиками военного времени, поскольку предвоенный командный состав был выбит уже в 1914—1915 гг.

9

Кроки (от французского croquis) — наскоро сделанные наброски, как правило, схемы местности.

10

26 ноября 1918 года французские и греческие войска высадились в Одессе после ухода из нее германских оккупационных сил. Активная пропаганда большевиков и антивоенные настроения в среде военнослужащих привели к тому, что союзное командование в апреле 1919 года отдало приказ об эвакуации города ввиду угрозы большевистского восстания. Город был оставлен без боя.

11

Николай Францевич Эрн (1879—1972) — генерал-майор, выпускник Елисаветградского кавалерийского училища и Николаевской академии Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. С декабря 1917 по март 1920 гг. служил в штабе генерала Деникина. После эмиграции в 1924 году оказался в Парагвае. Участник войны Парагвая с Боливией. Генерал-лейтенант армии Парагвая.

12

Иван Георгиевич Эрдели (1870—1939) — генерал от кавалерии, выпускник Николаевского кавалерийского училища, Академии генерального штаба. В Добровольческой армии с ноября 1917 года. В апреле 1919 — марте 1920 гг. — главнокомандующий войсками Терско-Дагестанского края. После эмиграции жил в Париже.

13

Александр Петрович Ревишин (род. в 1870 г.) — генерал-майор, выпускник Полтавского кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского училища, Академии генерального штаба. Командир Крымского конного полка, начальник штаба 9-й кавалерийской дивизии. В 1918 г. служил в армии гетмана Украины, с января 1919 г. — в Добровольческой армии. 27 мая 1920 года взят в плен, дальнейшая судьба в точности не известна. Есть сведения о том, что он был застрелен в штабе С. М. Буденного. Назначение генерала Ревишина командиром Чеченской дивизии, вероятно, было связано с его опытом командования национальной частью.

14

Информация о генерале О’Реме в справочниках отсутствует.

15

Терское казачье войско было сформировано в 1862 году в результате переформирования кавказских казачьих войск (Черноморского и Линейного). Терцы, в большинстве своем староверы, отличались высокой боеспособностью даже среди других казаков России, они сохранили военную организацию после разложения армии в 1917—1918 гг. Их активное участие в Гражданской войне на стороне белых во многом объясняется недовольством политикой Советской власти, уравнявшей их в землепользовании с крестьянами и горцами.

16

Информация о генерале Каленине в справочниках отсутствует.

17

Даниил Павлович Драценко (род. в 1876 г.) — генерал-лейтенант, выпускник Одесского пехотного юнкерского училища. Участник Русско-японской и Первой мировой войны. С 1918 по март 1919 гг. командующий группой войск Западно-Каспийского побережья. С 1920 года в эмиграции в Югославии. Обстоятельства смерти неизвестны.

18

«Шок» — в кавалерийской терминологии соприкосновение войск с противником.

19

Ленчик — часть седловки, которая могла быть обозной, упряжной или кавалерийской.

20

В начале 1916 года Россия стала испытывать нехватку рабочих рук, следствием чего стала массовая вербовка китайцев, которые использовались в основном на строительных работах и лесозаготовках. Их общая численность на европейской территории страны превысила 400 000 человек. После революции большинство из них оказалось не у дел, и этим ресурсом воспользовались большевики, которые агитацией, посулами и угрозами принуждали китайцев вступать в Красную армию. Китайцы служили до 1921 года в различных полках и даже составляли отдельные национальные части.

21

Пластуны появились в Черноморском (Кубанском) казачьем войске в первой половине XIX века. Это были отряды, действовавшие в кубанских плавнях (заболоченных камышовых зарослях) против горцев, совершавших рейды на русскую территорию. Название происходит от слова «пластаться» — ползать, поскольку одним из главных боевых приемов пластунов было скрытное приближение к неприятелю и устройство засад. Во второй половине XIX века это название закрепилось за казачьей пехотой.

22

В белых армиях с целью восстановления боевых традиций вооруженных сил России заново формировались полки под своими историческими названиями.

23

Формирование частей из пленных было обычной практикой Гражданской войны с обеих сторон. Столь же обычным явлением было массовое дезертирство в таких частях и их переход на сторону противника.

24

«Отдел» в военной лексике означал выделение части воинского формирования в особую команду.

25

Расстрелян немцами в Париже в 1942 году. — *Примеч. автора.*

26

Сменовеховцы – сторонники общественно-политического течения, идеологическая платформа которого была представлена в сборнике «Смена вех», выпущенном в Праге в 1921 году группой представителей кадетской и октябристской партий. Призывали к сотрудничеству с новой властью в надежде на перерождение Советского государства.

27

Деникин продолжил обычную для Северного Кавказа практику, когда исполнительная власть вручалась представителю местной знати, имевшему высокий военный чин. Правителем Чечни был назначен генерал Эрисхан Алиев, помощником которого по военной части стал полковник Хаджи-Мурат, а по гражданской части — полковник Клибашев.

28

Владимир Платонович Ляхов (1869—1919) — генерал-майор, выпускник 3-го Алексеевского военного училища. Участник Первой мировой войны. С февраля по май 1919 года командующий войсками Терской области. Вышел в отставку в 1919 года из-за преступлений, совершенных его непосредственными подчиненными. Убит при невыясненных обстоятельствах в июле 1919 года в своем доме в окрестностях Батуми.

29

Речь идет о подавлении сопротивления в Чечне и Ингушетии зимой-весной 1919 года (см. предисловие). Кроме казаков в усмирении Чечни большую роль сыграл «Собственный полк», сформированный в 1919 году в Грозном из старослужащих солдат — ставропольских уроженцев, калмыков и ногайцев.

30

Великий князь Михаил Александрович, младший брат императора Николая II. «Дикая дивизия» — неофициальное название Кавказской туземной конной дивизии, сформированной в 1914 году на добровольной основе из горцев Северного Кавказа.

31

Дагестанский конный полк был сформирован в 1852 году из горцев, воевавших против имама Шамиля по мотивам кровной мести. До этого времени фигурировал в документах под названием «Дагестанские всадники». Комплектовался на добровольной основе в основном из аварцев, участвовал во многих операциях Кавказской войны XIX века. После окончания боевых действий был сохранен, играл большую роль в поддержания спокойствия на Восточном Кавказе, служил кадровой основой при формировании других иррегулярных частей из горцев этого региона.

32

В августе 1919 года Одессы была взята частями Добровольческой армии.

33

Красный командир Перцов, действовавший осенью 1919 года в районе города Чугуева Харьковской губернии.

34

Вооруженное сопротивление, которое оказывали как белым, так и красным на территории Украины отряды «поселян», а также различные бандитские формирования традиционно называют движением под руководством Махно, хотя руководство как таковое в условиях того времени организовать было невозможно. Автор преувеличивает степень взаимодействия Махно с Красной армией и в дальнейшем ошибочно называет махновцев красными.

35

Адат (от арабского «адет» — обычай) — обычное право у мусульманских народов, действующее наряду с религиозным правом (шариатом). На практике выбор применяемой правовой нормы зависит от конкретной ситуации.

36

Дивизионном в кавалерии назывались два соединенные эскадрона.

37

Яков Александрович Слащев (1885—1929) — генерал-майор, выпускник Павловского военного училища и Академии генерального штаба, командир лейб-гвардии Московского полка. С января 1918 года — командир различных частей и соединений Добровольческой армии. В 1919 году — начальник 5-й и 4-й пехотных дивизий. В 1920 году после неудачных боев под Каховской вышел в отставку, после конфликта с генералом Врангелем в Константинополе по приговору суда чести уволен без права ношения мундира. В 1921 году вернулся в РСФСР и служил в Красной Армии, обращался к эмигрировавшим офицерам и солдатам с призывом вернуться в Россию. Убит в 1929 году при невыясненных обстоятельствах во время репрессий по отношению к бывшим офицерам царской армии.